

По какой причине? Потому, что в городе с 25-тысячным населением имеется итальянское большинство. Но большинство это было бы сомнительно, если к городу присоединить пригороды, если же принять во внимание окружающую территорию, славянское население оказалось бы в заметном большинстве.

Я прошу итальянских друзей обсудить положение, которое могло бы возникнуть в результате этого их шага. Что стали бы делать итальянцы? Каково было бы наше положение? Я полагаю, что Италия не права, и притязания эти невозможно отстаивать. Если бы в результате этого последовала новая война, каково было бы создавшееся положение? У меня нехватает решимости сказать это. Было бы нелепо нарушать союз по такому поводу. Если бы Италия так поступила, ответственность пала бы не на нас. Мы стоим на стороне договора, и ответственность легла бы на тех, кто нарушает договор.

*Соннино.*—Но Вильсон не признал договора.

*Ллойд Джордж.*—Я говорю только за Англию. Я уже говорил г. Орlando, что британский кабинет решил придерживаться договора.

*Орlando.*—Я заявил, что на сегодняшнем совещании я не буду поднимать вопроса о Лондонском договоре. Если сказанное г. Ллойд Джорджем означает, что конференция согласна с нами в вопросе о Лондонском договоре и что конференция затем приступит к разрешению вопроса о Фиуме, я рассмотрю вопрос с моими коллегами из итальянской делегации и сообщу ответ.

*Вильсон.*—Это возлагает большое бремя на меня, и это несправедливо. Я не знаю и не чувствую себя вправе спрашивать, считают ли Франция и Англия Лондонский договор соответствующим тем принципам, на которых базируется мирный договор. Однако я могу сказать, что со своей стороны я не верю в это. Обсуждать вопрос на основе Лондонского договора означало бы принять в качестве базы тайный договор. Я был бы тогда вынужден заявить миру, что мы создаем новый порядок, при котором тайные договоры исключаются. Я не знаю, как можно заключить мир с Германией на ином принципе, чем с Австрией. Лондонский договор не соответствует общим принципам того порядка, который мы хотим учредить. Я прекрасно знаю, что Лондонский договор был заключен при совершенно других обстоятельствах, и не хочу критиковать то, что сделано, но принять решение на основе Лондонского договора означало бы поставить Соединенные Штаты в невозможное положение.

*Соннино.*—Я просил только о принятии содержания Лондонского договора.

*Вильсон.*—Я готов изложить, и, быть может, я должен буду заявить миру мотивы моих возражений. Я не могу заставить при-



нять в Соединенных Штатах принципы, противоположные тем, ради которых они вступили в войну\*.

*Соннино.*—Вильсон принял принцип безопасности Италии в своей декларации от 21 мая 1918 г.<sup>9</sup>

*Вильсон.*—Я не признавал, что Далмация необходима для безопасности Италии. Немыслимо, чтобы Италия покинула своих друзей, и я прошу итальянских делегатов пересмотреть положение и не принимать поспешного решения, которое может явиться одним из самых трагических последствий войны.

*Ллойд Джордж.*—Я бы хотел, чтобы итальянцы приняли во внимание и это. Если итальянцы не будут присутствовать в пятницу, когда придут немцы, союзники не смогут выставить репарационных требований в пользу Италии.

*Вильсон.*—Обращаюсь вновь к итальянцам с призывом временно обсудить положение.

*Клемансо.*—Замечу, что имеются неотложные вопросы, касающиеся договора с Германией, которые нужно обсудить в связи с теми изменениями, которые пришлось бы ввести в случае ухода Италии.

*Ллойд Джордж.*—Согласен. Пришлось бы вводить изменения в части, касающейся репараций.

Решено, что ближайшее заседание состоится завтра, в воскресенье, в 10 часов.

В течение всего заседания Клемансо имел недовольный и сонный вид. Остальные были заметно взволнованы.

Вильсон начал говорить прерывающимся и почти дрожащим голосом и был все время очень бледен. Уходя, Вильсон сказал мне: «Try to smooth things over» [«Постарайтесь уладить дело»]\*\*.

Отвечаю: «Вы обещали представить предложение о Далмации».

Вильсон ответил: «Эксперты отсоветовали мне это».

Заседание продолжалось до 14 часов. К концу совещания Клемансо, старавшийся прервать его, не скрывал своего нетерпения.

Слышу, как Ллойд Джордж говорит Вильсону: «Вы не намеревались выступить с предложением о Фиуме?» Вильсон ему ответил: «Я не поддерживаю его больше в настоящее время».

В гостинице «Эдуард VII» весьма бурное заседание пяти итальянских делегатов (Орландо, Соннино, Саландра, Сальваго Раджи, Бардзилаи). Бурный спор между Соннино и Бардзилаи. Соннино упрекает Бардзилаи в том, что тот слишком много «болтал», утвер-

\* Здесь и в других местах Вильсон настаивает на этой мысли. Необходимо, однако, напомнить, что Соединенные Штаты вступили в войну 6 апреля 1917 г. вследствие «неоднократных актов войны» Германии, направленных против них, и что Четырнадцать пунктов были обнародованы Вильсоном только 8 января 1918 г.

\*\* Впоследствии Вильсон уже не считал меня примиренческим элементом, в котором возможно было бы усмотреть оттенок отступничества. Когда кто-то высказался обо мне перед ним в этом смысле, он, как мне говорили, ответил: «Нет, Альдрованди—худший из всех» (The worst of all).



ждая между прочим, что «Далмация» означает «Зару и Себенико». Спор принимает настолько бурный характер, что Соннино с покрасневшим лицом восклицает: «Ну, что же, возьмемся за ножи»\*. Спокойнее всех Саландра, который между прочим заметил: «Придут Джолитти и Биссолати, которые согласятся».

Решено требовать выполнения Лондонского договора.

Воскресенье, 20 апреля, пасха.

Собрание в 10 часов у президента Вильсона; присутствуют Четверо и Сеннино, переводчик Манту, Хэнки и я.

*Вильсон (обращаясь к итальянским делегатам).*—Был бы рад узнать ваши предложения.

Орландо зачитывает нижеследующее заявление [перевод с французского текста]:

«Я должен оставить в силе все сделанные мною заявления по вопросу о Фиуме. Сведя этот вопрос к *минимальным* его пределам, я обращаюсь к президенту Вильсону с указанием, что при всем его благородном стремлении к укреплению международного мира, он, как выдающийся политический деятель, не может не сознавать, что существенным условием достижения этой цели является устранение у народов чувства возмущения против несправедливости, которое послужит несомненно фатальнейшим источником будущих войн. Я утверждаю, что, если Фиуме не будет передан Италии, это вызовет в итальянском народе такую сильную бурю протеста и ненависти, что они приведут в сравнительно недалеком будущем к глубоким конфликтам.

Я полагаю, таким образом, что, если Фиуме не будет передан Италии, факт этот по своим последствиям окажется в высшей степени роковым как для интересов Италии, так и для международного мира.

Английский и французский союзники заявили вчера, что они признают за Италией право нарушить союз только в том случае, если ей не будет предоставлено то, что было гарантировано договором. Я слишком глубоко сознаю свою ответственность за международный мир в случае разрыва союза, чтобы не постараться сделать все необходимое во избежание возможных в этом смысле обвинений. Я поэтому формально заявляю, что в случае если мирная конференция гарантирует Италии все предоставленные ей Лондонским договором права, я не буду поставлен в необходимость нарушить союз и воздержусь от всяких действий и поступков, могущих быть истолкованными в этом смысле».

Следует продолжительное молчание.

*Вильсон.*—Невероятно, чтобы представители Италии встали на эту позицию. В центре войны стояли три великие державы: Франция, Великобритания, Италия. Они вынесли на себе главную тяжесть войны. Весь мир отдает себе отчет в том, что именно они спасли его от предпринятых центральными державами действий; но война была выиграна не только ими. Здесь были и другие державы, не принимавшие участия в заключении Лондонского договора. Я позволю себе заявить, что без финансовой и материальной помощи Соединенных Штатов нельзя было бы довести войну до такого конца или по крайней мере в такой срок (*Клемансо и Ллойд*

\* «Хотелось бы ответить не словами, а ножом»—*Данте*, Пир, IV, 14.



*Джордж выразают согласие кивком головы*). По случаю вступления Соединенных Штатов в войну\* они заявили, каковы были их принципы. В изложении этих принципов содержались некоторые выражения симпатии малым нациям. Принципы эти вызвали также одобрение населения великих держав. Делая эти заявления, я нисколько не думал, что они являются моими заявлениями; разумеется, это были заявления североамериканского народа. Действие их было бы неэффективным, если бы они не принадлежали американскому народу. Они не представляли собой ни в какой мере моей индивидуальной инициативы, но тот факт, что принципы права и справедливости, возведенные вначале Ллойд Джорджем, а затем мною, рассматривались в качестве истолкования целей войны, побудил другие народы вступить в войну. Я хочу напомнить вам, каковы эти принципы, целью которых является признание всех законных национальных стремлений. Приведу два из так называемых Четырнадцати пунктов:

IX. Исправление границ Италии должно быть произведено в соответствии с линиями, ясно различимыми по национальному признаку.

XI. Румыния, Сербия и Черногория должны быть эвакуированы; занятые территории должны быть им возвращены; Сербии предоставляется свободный и надежный выход к морю; отношения между балканскими странами определяются дружественным соглашением в соответствии с исторически сложившимися линиями подданства и национальности; будут выработаны международные гарантии политической и экономической независимости и территориальной целостности различных балканских стран.

Мы пытались выполнить эти два пункта. Если мы не будем поступать в соответствии с ними, а примем за основу договор, на который ссылается Италия, мы создадим конфликты, пламя которых не потухнет до тех пор, пока мы не изберем другую основу. Если Италия настаивает на выполнении Лондонского договора, она этим замедляет заключение мира. Моя позиция была бы совершенно иная, если бы Австро-Венгрия продолжала существовать, если бы Италии пришлось иметь дело с большой враждебной ей державой, ибо тогда я сказал бы, что Италия должна получить все гарантии безопасности; но обстоятельства не таковы. Если державы, подписавшие договор, не имеют права уйти, другие право это имеют. Хочу спросить своих итальянских друзей о следующем: вы решили уменьшить вероятность заключения мира с Германией, возобновить возможность всеобщей войны в Европе, оттолкнуть от Италии народы, которые были ей дружественны, готовы ли вы сказать, что вы не желаете признать новый порядок вещей потому, что в условиях этого нового порядка невозможно восстановить старый? Я думаю, что то, что получает Италия, есть нечто великое и прекрасное. Без Лондонского договора она получает свои естественные границы, освобождение итальянского населения. Это было гипотезой, которую в начале войны, пять лет

\* Ср. прим. на стр. 180.



назад, она не могла надеяться осуществить. Мечта превратилась в действительность благодаря доблести итальянских солдат и мощи союзников. Я считаю невероятным, что раскол совершится.

Было бы наивысшей трагедией войны, если бы вы отвернулись от ваших друзей, с тем чтобы занять изолированную позицию. Я очень сожалел бы об этом, это истерзало бы мое сердце, но я являюсь представителем Соединенных Штатов и не могу нарушать принципов, защита которых была мне поручена моими согражданами.

*Орландо.*—Я должен заявить президенту Вильсону, что я сослался на Лондонский договор лишь в последнюю минуту и против своей воли. Я поступил так, чтобы ответить на увещания гг. Ллойд Джорджа и Клемансо, которые апеллировали к союзу и заявили мне, что я взял бы на себя слишком большую ответственность, нарушив союзный договор в отношении союзников, готовых выполнить свои обязательства. Президент Вильсон должен признать это за мной. Если я должен был апеллировать к тексту договора, а не к справедливости, я поступил так не без внутренней боли. Впрочем, Италия не непримирима. Какого рода соглашение мне было предложено? Никакого. Каково положение Италии? Президент Вильсон указывал на свои обязательства, но вчера он признал, что пункты его заявлений, касающиеся Австро-Венгрии, отпали по той причине, что Австро-Венгрии более не существует.

*Вильсон.*—Согласен.

*Орландо.*—Рассмотрим пункт, касающийся Сербии, который был им сегодня утром цитирован. Но, быть может, случайно Сербия имеет право на Фиуме? Все притязания на доступ к морю, о которых Сербия заявляла в прошлом, касались самое большее Алессо и Сан-Джованни-ди-Медуа. Получение Рагузы было бы чем-то выходящим из круга ее надежд. Теперь она получает гораздо больше. Прошу президента Вильсона вспомнить о следующем:

1. Разве из всех принципов, которые объявляются неприменимыми к Австро-Венгрии после ее исчезновения, применимы только те, которые касаются Италии?

2. Что касается относящегося к ней пункта, Италия заявила о своих весьма ясных оговорках, выступив с этими оговорками в присутствии полковника Хауза, от которого не последовало никаких возражений. Я поэтому не связан никакими обязательствами, противоречащими моим требованиям, так же как и президент Вильсон. Президент Вильсон говорит с большим волнением, что война была предпринята в защиту справедливости и права. Я полагаю, что я со своими требованиями стою на той же почве. Я не претендую на монопольное обладание абсолютной истиной. Идея справедливости—субъективная идея. Иисус сказал: «*Quid est veritas?*» [«Что есть истина?»] Я уважаю мнение президента Вильсона, но считаю, что говорю со всей откровенностью



и искренностью, заявляя, что я стою за право и справедливость. Я также воевал за право и справедливость. Президент Вильсон в заключение говорил, что его сердце страдает при мысли о возможности разрыва с Италией. Я благодарю его, но замечу, что мое сердце еще больше страдает. Я испытываю те же чувства, что и он: чувства искренней и горячей дружбы между двумя народами и даже, осмелюсь сказать, между их представителями.

*Вильсон.*—Разумеется.

*Орlando.*—Но я испытываю также чувства крайне острого страдания, которых не испытывает он. Передо мной стоят гигантские трудности, и я охвачен ужасом перед тем, что должно произойти с моей страной. Но именно потому, что я убежден в том, что мои требования отвечают праву и справедливости, я должен бросить вызов всему, даже самым тяжелым последствиям, и если это необходимо, даже самой смерти, если я и моя страна должны умереть за дело права и справедливости. *(Орlando настолько взволнован, что речь его прерывается продолжительными рыданиями.)*

*Вильсон.*—Г-н Орlando может быть уверен, что я не скрываю от себя значения высказанных мотивов. Между нами существует лишь одно основное политическое различие. Итальянские представители не связаны Четырнадцатью пунктами. Я признал это; но я только повторяю, что, со своей стороны, не могу заключать мира с Германией на одних определенных принципах, а с Австрией—на других. Мы должны применить ко всем национальностям принцип одинакового отношения, который мы стремились применять в других странах света.

*Ллойд Джордж.*—Мы находимся в самом трудном положении, с тех пор как открылась конференция. У нас были трудности, и мы сумели их преодолеть; но в каждом случае у нас было по крайней мере полдюжины решений, из которых мы могли выбирать любое. Здесь же я не вижу выхода. Не исключена возможность для нас услышать, что Италия не может прийти к соглашению с союзниками по вопросу о заключении мира с Австро-Венгрией или с Германией из-за вопроса об Адриатике и Трентинской области. Существует другая трудность, заключающаяся в том, что Соединенные Штаты не могут присоединиться к этому из-за принципов, ради которых они вступили в войну. И с той и с другой стороны улаживание вопроса представляет большие трудности. Лично я не вправе говорить по существу вопроса, так как я уважаю взятые моей страной обязательства,—обязательства, ради которых Италия пролила кровь, приносила жертвы, расходовала деньги. Никто лучше меня не отдаст себе отчета в значениях концепции президента Вильсона. Очень трудно для Италии идти на заключение мира, имея немцев в Тироле и славян в Далмации, но я не имею права вмешиваться. Я изложил президенту Вильсону свою точку зрения, полагая, что итальянские политические деятели не могут вернуться обратно. Сказанное г. Орlando произвело на меня большое впечатление.



Выражаю свои особые симпатии барону Соннино. Он взял на себя большую ответственность, отвергнув то, что Австрия предлагала в целях сохранения нейтралитета Италии. Он не может возвратиться в Италию, не добившись того, что он мог бы получить от князя Бюлова без войны<sup>10</sup>. Теперь же Италия потеряла полмиллиона человек убитыми и полтора миллиона ранеными и инвалидами. Я не представляю себе, как барон Соннино мог бы вернуться обратно. Не знаю, что мы могли бы сделать.

Я предлагаю, чтобы подписавшие Лондонский договор собрались для рассмотрения важной декларации президента Вильсона. Если мы не найдем выхода, Англия выполнит свои обязательства. Я не могу ничего рекомендовать по этому поводу. Но, быть может, мы придем к какому-либо выводу на собрании представителей держав, подписавших Лондонский договор. Пока ничего другого я сказать не могу. Что думает об этом президент Вильсон?

*Вильсон.*—Наш долг изыскать, если это возможно, способ достижения соглашения. Если бы я посоветовал передать Фиуме сербо-хорватам, как это предусмотрено в Лондонском договоре, и оставить Далмацию во временном управлении пяти держав с правом распоряжения ею впоследствии, без всякой, однако, гарантии дальнейшей передачи Италии, могли бы итальянские представители принять такое предложение? Напомню, что существует стратегический пункт, который я передал бы Италии,—Лисса. Я признаю, что этого мало в сравнении с тем, что предусмотрено Лондонским договором. Однако я был бы не откровенен, если бы не заявил итальянцам о маловероятности перспективы передачи в будущем Соединенными Штатами Италии островов и других территорий, предусмотренных Лондонским договором.

*Ллойд Джордж.*—Я хотел бы подумать об этом. Участники Лондонского договора могли бы собраться завтра.

*Орlando.*—У меня нет возражений.

*Соннино.*—Это наш долг.

*Ллойд Джордж.*—Однако я предупреждаю теперь же, что я не намерен ничего рекомендовать.

*Соннино.*—Я приношу благодарность г. Ллойд Джорджу за то, как он изложил вопрос также и в части, относящейся ко мне. Мы должны сделать все возможное, чтобы прийти к соглашению. Я не вижу выхода, а говорилось, что выхода и нет и что это означает мой конец. Я не говорю о физической смерти, которая не идет в счет, а о смерти политической. Но я об этом вовсе не беспокоюсь. Я думаю лишь о моей стране. Скажут, что я погубил свою страну. Ничего больше этого не могло бы потрясти меня. Я стремился выполнить свой долг и ошибся. Но не занимайтесь больше моей личностью.

*Ллойд Джордж.*—Нет, это важно. Италия могла не вступать в войну, приняв сделанные ей предложения, а она все же приняла в ней участие. Это следует установить в первую очередь.



*Вильсон.*—Барон Соннино в начале моего с ним знакомства говорил мне, что Италия не преследует империалистических целей. Верю этому. Я никогда ни на минуту не сомневался в этом. Люди, стоявшие во главе Италии, несомненно не питали агрессивных намерений; насчет южных славян не знаю. Я отдаю себе отчет, так же как и г. Ллойд Джордж, в трагичности положения, в котором вы находитесь, барон Соннино. Вы вполне оправдали славу прямого человека. Я должен вам сказать об этом как по общим причинам, так и по соображениям личным.

*Соннино.*—Благодарю за доброе намерение. Что касается вопроса об империализме, замечу, что в наших требованиях нет ничего, что могло бы походить на это. В них выражено лишь желание гарантировать безопасность своего дома. То, чего мы требуем, не является империализмом. Мы не преследуем целей, угрожающих нашим соседям. В отношении Греции мы уже доказали, что мы готовы притти к примирительному решению. Но наши требования направлены к тому, чтобы избавить нас от опасности. Возьмите балканский вопрос. Все, к чему мы стремимся, сводится к тому, чтобы остаться вне круга затруднений. Мы ищем базу, позволяющую нам держаться за пределами этих вопросов; если же мы не получим этих территорий, мы будем постоянно вынуждены вмешиваться в эти вопросы. Сербия угрожает нам—значит мы должны соединиться с Болгарией. Вся политика, содержащаяся в Лондонском договоре, была направлена к тому, чтобы отстранить от нас опасность нападения и держаться в стороне от соблазна напасть самим для предупреждения опасности.

*Ллойд Джордж (улыбаясь).*—Италия вторглась даже в Великобританию!<sup>11</sup>

*Соннино.*—Да, но вместе с тем дала ей культуру.

*Ллойд Джордж.*—Надеюсь, что хотя бы частично она там сохранилась!

*Соннино.*—Но все это относится к старине. Италия была в течение веков ареной вторжения иностранцев—испанцев, немцев и т. д. Нынешнее вторжение явилось поводом для освобождения нас от всякой опасности.

*Вильсон.*—Если бы я верил, что требования ваши необходимы для того, чтобы запереть дверь вашего дома, я бы согласился удовлетворить их.

*Соннино.*—Спросите об этом ваших экспертов. Тогда вы не скажете, что Фиуме представляет собой возможность агрессии.

*Ллойд Джордж.*—Фиуме в договоре предназначен хорватам.

*Соннино.*—Но вопрос возник по причине национальных чувств, усилившихся из-за войны. Город Фиуме вынес самостоятельное решение. Докажите мне, что какое-либо из наших требований представляет опасность для соседа, я скажу вам, что вы правы. Посмотрите на Лондонский договор. Мы отказались от Спалато вместе с одним из больших островов—Брацца; мы отказались также



от Велья и Арбе, которые являются итальянскими, и уступили в вопросе о порте Сенья; точно так же мы поступили в отношении полуострова, расположенного перед Метковичем. Я не вижу, что мы могли бы сделать больше. Было бы легко управлять миром при помощи одних лишь трех принципов, но огромные трудности заключаются в их применении в соответствии с различными обстоятельствами.

Решено, что завтра у Ллойд Джорджа в 10 часов состоится заседание глав союзных правительств с участием соответствующих министров иностранных дел.

Вечером за обедом, устроенным супругами Брамбилла, сижу рядом с Хаузом. Пытаюсь убедить его, что то, что хочет дать нам Вильсон, меньше того, что нам хотели дать австрийцы в случае соблюдения Италией нейтралитета. Хауз очень интересуется этим делом, но сохраняет максимальную сдержанность, хотя и выслушивает меня с обычным спокойствием и любезностью.

Понедельник, 21 апреля.

Утреннее заседание в 10 часов у Ллойд Джорджа (Rue Nitot, 23) с участием трех союзных премьер-министров с соответствующими министрами иностранных дел—Бальфуrom, Пишоном, Соннино; секретари—Хэнки и я; переводчик—Манту.

*Клемансо.*—Я говорил сегодня утром с Пишоном и пришел к твердому заключению, что Франция подписала договор, который она выполнит. Следовательно, мы будем заодно со своими союзниками.

*Ллойд Джордж.*—В этом нет никакого сомнения, но бесполезно отрицать, что дело приняло бы серьезный оборот, если бы Америка не подписала мирного договора. На требуемых Италией территориях находятся две разные народности: немцы—в Трентинской области и славяне—в Далмации. Если Соединенные штаты останутся вне мира, создается впечатление, что они симпатизируют этим двум сильным расам, и в каждом случае возникновения затруднений между ними и Италией обстоятельство это будет в десять раз их усиливать. С другой стороны, я не представляю себе, каким образом Европа сможет оправиться, если Соединенные Штаты не пойдут с нами и не окажут ей содействия материальными средствами. После заключения договора я предполагаю внести предложение о создании всеобщей Экономической лиги Европы. Если это нам не удастся, то наступит полный застой. Укажу на пример Южной Африки. По окончании войны страна-победительница<sup>12</sup>, в то время премьер-министром был г. Бальфур, вынуждена была израсходовать 30 миллионов фунтов стерлингов для восстановления завоеванного края.

*Бальфур.*—И деньги эти никогда не были возвращены.

*Ллойд Джордж.*—Но если бы они не были даны, Южная



Африка осталась бы разоренной. В Европе наблюдается аналогичное явление. Поэтому важно действовать вместе с американцами до конца и быть совершенно лояльными по отношению к ним. Что касается репараций, американцы сделали немало шагов вперед по сравнению с тем, что было ими сделано раньше. Так было с саарским вопросом. Пожалуй, возможно было бы притти к удовлетворительному результату в этом смысле, если бы Италия проявила уступчивость. Если же итальянцы не найдут возможным пойти на уступки, мы выполним условия договора.

*Клемансо.*—Это относится и ко мне. Я уже обсуждал положение с г. Ллойд Джорджем и согласен со всем тем, что он высказал. Я думал, что можно достигнуть соглашения, но, что касается Фиуме, я потерял всякую надежду. Президент Вильсон сделал небольшое указание относительно Далмации, но я должен признать, что положение не улучшилось. Я вновь виделся с президентом Вильсоном вчера днем по другим делам, и, когда я говорил с ним к концу беседы об итальянских делах, он произвел на меня впечатление человека, занявшего весьма четкую позицию. Разрешения вопроса можно было бы достигнуть в том случае, если бы Италия оставила Далмацию ради Фиуме или же, довольствуясь Далмацией, согласилась бы на получение чего-либо другого.

Вчера говорилось о предложениях, сделанных Австро-Венгрии Италией до ее вступления в войну. Я сегодня утром просмотрел их в «Зеленой книге». Я надеялся найти аргументы против Вильсона, но я убедился, что мы не можем воспользоваться ими, так как Австро-Венгрия не давала ничего или давала очень мало. Не давала ни Истрии, ни Триеста.

*Бальфур.*—Ни Полы.

*Клемансо.*—То, что теперь получает Италия, представляет собой весьма значительное достижение.

*Соннино.*—«Зеленая книга» заканчивается 4 мая; после этой даты и до 24-го числа Австрия предложила другое.

*Клемансо.*—Да, но не Триест. Мы не можем найти в этом аргументов, могущих убедить Вильсона. Мы—друзья и даем советы друзьям. Даже получая не всю Далмацию, а некоторые пункты, вы тем самым приобретаете достаточно сильную позицию,—сделайте сравнение с французскими делами. Я должен был отказаться от левого берега Рейна, которого требовали от меня все сенаторы и все депутаты. Я оставил мысль получить границы 1815 г.<sup>13</sup> с Кельном, Кобленцом, Майнцем и другими пунктами по ту сторону Рейна.

Если Италия будет сотрудничать с нами до конца в этих переговорах, это ей принесет выгоду. Территориально она получает гораздо больше того, на что надеялись итальянцы в начале войны. Я не могу давать советы, но считаю своим долгом сказать, что, если мы вступим на этот путь, решение может быть найдено, иначе последствия будут плачевны. Если Италия изолируется, дело



держав Соглашения не будет доведено до конца, не будут разрешены большие проблемы, в Европе возникнут новые конфликты, которых я хотел бы избежать во что бы то ни стало. В заключение заявляю: мы остаемся друзьями Италии, и решение находится в ее руках.

*Соннино.*—Дело обстоит не так. Вильсон сказал, что не отдаст Фиуме, равно как и Далмацию. Она должна перейти к пяти державам; но Вильсон ясно заявил, что в будущем передача Далмации Италии исключается. Но как же заключить мир с Австро-Венгрией, которая больше не существует? Вы вместе с нами взяли на себя обязательство выполнить договор, касающийся нашего вступления в войну, которая стоила Италии 70 миллиардов деньгами и до полутора миллионов убитыми и искалеченными. Почему Италия должна обмануться в своих ожиданиях? Почему Вильсон раньше не говорил ясно? Когда при обсуждении условий перемирия с Австро-Венгрией была принята оккупационная линия, предусмотренная Лондонским договором, у Италии получилось впечатление, что это было признано за нами также Америкой. Действительно, со стороны Америки не последовало ни протестов, ни возражений. Это было истолковано в смысле ее согласия.

*Ллойд Джордж (Бальфуру).*—Мы передавали копию Лондонского договора президенту Вильсону?

*Бальфур.*—Да. Когда я был в Америке, я обсуждал его вместе с ним.

*Соннино.*—Что произошло после? И прежде всего, что сделала Америка для нашей страны? Правда, она дала нам денег, но прислала нам всего лишь один полк и потеряла в Италии всего одного человека убитым.

*Клемансо.*—Это не довод.

*Соннино.*—Да; я не говорю против Соединенных штатов. Я говорю вообще. Италия знает, что против нее стояла вся австро-венгерская армия. Теперь выступает третья сторона и говорит: вы должны отказаться от всего этого. И это на основе новых принципов, в которые верит Вильсон, но я не верю. Возможно ли, сидя в комнате, изменить мир руками нескольких дипломатов? Скажите: пусть идут на Балканы применять на практике Четырнадцать пунктов. Наш народ остался бы разочарованным. Когда после перемирия я вернулся в Рим, я пробрался туда тайком, а когда пришли приветствовать меня к моему дому, я убежал, так как я видел трудности, навстречу которым шла Италия. Но теперь президент Вильсон, предав забвению свои Четырнадцать пунктов, хочет вновь вернуть им девственный вид путем строгого применения тех пунктов, которые относятся к Италии. Какое впечатление создается в моей стране, имевшей основание в течение пяти месяцев надеяться на удовлетворение своих стремлений? Все это должно исчезнуть, так как существует Лига наций, о которой никто не знает, что она собой представляет. Что случится



в моей стране? У нас будет не русский большевизм, а анархия. Я не знаю, как мы сможем поступить. Я не вижу решения.

В течение пяти лет ни одна моя мысль, ни одно мое слово, обращенное к кому бы то ни было, не уклонялось, чтобы об этом ни говорил император Карл Габсбургский, от прямого пути, который был избран Италией, и я привел Италию к этим последствиям!

*Ллойд Джордж.*—Я не хочу быть дурно истолкованным, выдвигая новое предложение. Я прочел представленную вами записку относительно мотивов, в силу которых Далмация необходима для вашей обороны в Адриатике. Нет сомнения, что содержащиеся в ней доводы весьма основательны. Но главную опасность для Италии представляют острова, за которыми могли бы укрыться хотя и незначительные по размерам, но представляющие опасность неприятельские силы. С другой стороны, обладая территорией на материке, вам не удастся никогда обеспечить себе спокойствие.

*Соннино.*—На Балканах имеется столько мотивов к внутренним раздорам, что мы будем оставлены в покое.

*Ллойд Джордж.*—Но там всегда имеется слишком много людей, готовых перегрызть друг другу горло. У вас хватит затруднений на много поколений. Вы вынуждены будете держать в Далмации мощный гарнизон. Не можете ли вы удержать за собой только острова, предложив желающим переселиться на материк? У южных славян нехватает населения. Много народу было убито в их стране. Я бы вам советовал удержать острова и не касаться материка.

*Соннино.*—Я не говорю, что на приобретенных нами территориях не будет волнений, в особенности при подстрекательстве со стороны южных славян. Такова участь территориальных изменений. Но если все будет окончательно улажено, в течение двух лет всякие волнения прекратятся.

*Ллойд Джордж.*—Из ваших статистических данных видно, что там проживает 600 тысяч славян против 40 тысяч итальянцев.

*Соннино.*—Во всей Далмации, а не в требуемой нами части.

*Орlando.*—Я хочу сделать некоторые заявления. Во-первых, я хочу объяснить мотивы нашего сопротивления, которое в известных случаях должно быть абсолютным сопротивлением во что бы то ни стало. Имеется мотив практической пользы в интересах всего мира. Если я возвращусь в Италию с неполным миром, могущим вызвать в Италии возмущение, это оказало бы плохую услугу всем. Если я вернусь в Италию с миром Вильсона, в Италии вспыхнет революция. Во время последних демонстраций в Риме...

*Соннино.*—... и в Милане.

*Орlando.*—...выступали друг против друга две стороны... сторона большевистская, сторона отрицателей родины против стороны патриотической и фашистской. Эти последние одержали верх. Среди большевиков имелись двое убитых и пятеро раненых.



Была разгромлена и сожжена редакция газеты «Avanti». Патриотическое движение приняло мощные размеры. Если мы получим худой мир, эти элементы пойдут на революцию и большевики соединятся с ними, так как целью большевиков является провокация беспорядков и революций, каковы бы ни были побудительные к тому причины, с тем чтобы воспользоваться их последствиями. В этом вы можете быть уверены. Если же Италия будет удовлетворена в своих национальных требованиях, она, разумеется, сохранит спокойствие. Я ручаюсь за это. Но если в Италии будет революция, то ввиду общего положения, царящего в мире, это создаст опасность для всех.

Во-вторых, я должен заявить, что я не мог бы принять предложения Вильсона даже в качестве основы. Хочу добавить следующее. Линия, которую Вильсон предлагает в настоящее время Италии, есть та же самая линия, которая в истекшем октябре предлагалась газетой «New Europe», которая, как вы знаете, является органом южных славян. Теперь для итальянцев южные славяне являются тем же, чем для вас боши<sup>14</sup>. Принять предложение Вильсона означало бы то же самое, что для г. Клемансо — предложение бошей об окончании войны. В январе я имел беседу с президентом Вильсоном. Показывая мне карту, он сказал: «Что вы думаете об этой возможности?» Линия была та самая, о которой я говорю. Я ответил: «Я прошу иметь в виду, что после этого предложения Италии не остается ничего другого, как уйти с конференции». Президент Вильсон остановил тогда переводчика и спросил: «Прошу вас: г. Орландо хочет сказать, что он в этом случае уйдет с конференции?» Я ответил: «Разумеется». Это произошло в январе прошлого года. В течение трех месяцев я оставался в фальшивом положении. Я сотрудничал с самыми искренними намерениями, принимая участие во всех переговорах, происходивших там; в то же время нас с Вильсоном разделяло недоразумение, возникшее на почве нашего разговора. Быть может, слово «недоразумение» не подходящее выражение, так как каждый из нас прекрасно знал мысли другого. Теперь г. Ллойд Джордж говорит: попытаемся притти к соглашению. Я охотно ищу, но не вижу его. Я преклоняюсь перед г. Ллойд Джорджем во многих отношениях, в том числе и перед его изобретательностью в деле приискания решений. Если ему удастся согласовать с Вильсоном какую-либо скромную комбинацию, признания которой я могу добиться в моей стране, я готов рассмотреть ее. Коллегиальные переговоры не представляют больше пользы. Мы все время находимся на одной точке, когда собираемся вчетвером, и ни к каким изменениям не приходим с самого начала до конца совещаний. Если гг. Ллойд Джордж и Клемансо в согласии с президентом Вильсоном представят мне предложение о соглашении, которое обязательно должно предусматривать аннексию Фиуме Италией, я готов принять его.



*Клемансо.*—Мне хотелось бы выяснить один пункт: согласился ли бы г. Орландо на такое разрешение, которое исключало бы Фиуме?

*Орландо.*—Ни в коем случае. Я считаю, что лучше ясно заявить об этом, чем оставить место каким-либо сомнениям. Если это возможно, то прекрасно, если нет—лучше было бы для всех нас покончить с этим неудобным положением. В этом случае мы должны будем апеллировать к Лондонскому договору, выполнение которого является предметом обязательств, взятых союзниками, и, пока он не будет выполнен, мы останемся одни и в стороне.

*Пишон.*—Вы не обсуждали никакого конкретного проекта соглашения?

*Орландо.*—Нет. Именно с вами должен быть уточнен вопрос, что именно необходимо отдать, чтобы получить Фиуме. Мы должны иметь Фиуме.

*Ллойд Джордж.*—Это кладет конец обсуждению. Фиуме не следует брать. Что касается Фиуме—это невозможно. Сербьы знают, что Фиуме был предназначен им, и я не могу предать сербов, так же как и итальянцев.

*Клемансо.*—Итак, придерживаетесь вы или не придерживаетесь условий пакта? Здесь не может быть среднего пути. Я отдал Фиуме сербам и не могу взять его обратно.

*Орландо.*—Мы придерживаемся договора.

*Клемансо.*—Если г. Орландо стоит за выполнение договора, мы также будем стоять за это, но я не могу взять обратно обещание отдать Фиуме Сербии.

*Орландо.*—Я хочу иметь проект соглашения вне договора.

*Ллойд Джордж* (представляя английскую карту, приложенную к договору, на которой Фиуме обозначен желтой краской, а Италия—голубой).—Мы согласились как с одной, так и с другой статьёй договора.

*Соннино.*—Я объясню, что хочет сказать президент Орландо. Он говорит: «Если вы хотите все бросить на весы в качестве основы соглашения с вами, тогда я не буду придерживаться исключительно договора». В противном случае он будет сообразоваться с условиями договора. Напомню, что, когда велись переговоры с Болгарией о ее вхождении в войну на стороне держав Согласия, Сербии были сделаны предложения об уступке некоторых ее македонских территорий Болгарии, в каком случае она была бы компенсирована территориями Хорватии и Боснии. Тогда не пришли ни к какому соглашению. Это означает, что в то время вы не считали себя связанными с Сербией Лондонским договором. Впрочем, Лондонский договор отдает Фиуме Хорватии, а не Сербии.

*Клемансо.*—Это одно и то же.

*Ллойд Джордж.*—Не знаю, стоит ли продолжать этот разговор. Быть может, было бы лучше, чтобы г. Клемансо и я отправились навестить президента Вильсона, чтобы спросить его, может ли



он и насколько сдвинуться с занятой им позиции; согласен ли он, например, на передачу островов.

*Орlando.*—А Фиуме?

*Ллойд Джордж.*—Фиуме—нет.

*Орlando.*—Тогда это невозможно.

*Соннино.*—Значит мы должны даром отдать Далмацию? Что касается Далмации, я вновь замечу, что она представляет для нас вопрос о безопасности в Адриатике, но в отношении Далмации имеется еще этнический вопрос. Правда, что сельское население состоит преимущественно из славян, но в городах население итальянское. Все, что там есть культурного,—итальянское.

*Ллойд Джордж.*—Согласен.

*Соннино.*—Мы не можем покинуть всех этих наших соотечественников и выбросить вон все наши исторические права. Президент Вильсон говорил, что национальные мотивы преобладают над всеми остальными, в том числе над интересами стратегического и железнодорожного характера, когда он отказывал Бельгии в присоединении 4 тысяч немцев. Почему же мы должны отказаться от 26 или 30 тысяч итальянцев, населяющих Фиуме? Эти же мотивы мы должны выдвинуть и в вопросе о наших соотечественниках в Далмации.

*Ллойд Джордж.*—Но в вопросе, о котором указывал президент Вильсон, немцы находились в контакте с Германией, как это имеет место с небольшими итальянскими группами населения в Далмации, которые находятся там «в гарнизоне», употребляя выражение, применяемое к англичанам, живущим в Ирландии.

*Соннино.*—Но итальянцы представляют там собою все культурное.

*Ллойд Джордж.*—Это то же самое, что говорят англичане про Ирландию.

*Бальфур.*—Если вы учитываете трудности, с которыми президенту Вильсону пришлось встретиться при разрешении итальянских вопросов, вы должны допустить, что он встретит на своем пути большие затруднения при передаче вам немцев, которых вы присоедините в Тироле.

*Соннино.*—Он их нам уже отдал.

*Бальфур.*—Я не знал этого. Очень этому рад.

*Ллойд Джордж.*—Повторяю: мне уже, по-моему, нет надобности спорить. Однако я считаю вопрос настолько серьезным, что полагаю необходимым вновь поговорить о нем с президентом Вильсоном.

*Бальфур.*—У меня нет впечатления, что здесь обсуждалось очень серьезное обстоятельство. Г-н Орlando говорит, что если он вернется в Италию без требуемых территорий, там вспыхнет революция.

*Орlando.*—Безусловно.

*Бальфур.*—Необходимо иметь в виду, что если Италия оттолкнет от себя Америку, я не знаю, на чем сможет удержаться итальянская экономика; и если это так, каким образом революция может



быть преодолена? Поэтому в Италии произойдет революция как в том случае, если она примкнет к договору, который отказывает ей в требуемых территориях, так и в том, если она договор этот отвергнет. Революция вспыхнет в обоих случаях. Италия осталась бы изолированной одна против всей Европы, что мне кажется совершенно невозможным.

*Орlando.*—Я вполне признаю правильность того, что было сказано г. Бальфуrom. Обе опасности одинаково серьезны. Но Италия нетребовательна. Ей знакомо искусство умирать от голода. Но если обе опасности одинаково серьезны и даже обе приводят к смерти, я предпочитаю смерть, так как при этом мы сохраняем честь.

Поведение Клемансо было неприветливее чем когда-либо. Желая, очевидно, побеседовать наедине с Пишоном, Клемансо в один из наиболее патетических моментов совещания обращается к нему, говоря: «Вы видели знаменитую картину Болдини?», и уводит его в соседнюю комнату, где делает вид, будто долго рассматривает с Пишоном портрет хозяйки дома.

В 17 часов Хэнки пришел к Орlando, который принял его в присутствии Соннино.

Хэнки заявляет, что он пришел от Вильсона, Ллойд Джорджа и Клемансо, которые, в результате только что состоявшегося между ними совещания, поручили ему спросить Орlando и Соннино, стоит ли им притти для обсуждения вопроса о возможности уступки Италии некоторых островов Далматинского побережья.

Орlando отвечает, что, имея в виду базу дискуссии, он не считает нужным отправляться к остальным трем главам правительств. Орlando указывает при этом, что сегодня утром говорилось об островах, между тем как теперь говорится о «некоторых» островах.

Хэнки отвечает, что, по его мнению, имелись в виду острова, имеющие стратегическое значение, и были исключены те из них, которые расположены ближе к берегу, как, например, остров Паго. Таким путем пытались разрешить проблему безопасности Италии в Адриатике.

Соннино отвечает, что вопрос о безопасности может быть разрешен лишь в неполной мере, так как острова имеют стратегическое значение постольку, поскольку те, кому они принадлежат, владеют также и побережьем.

Орlando отвечает, что проблема Далмации является не только проблемой безопасности, но также проблемой национальностей для Зары, Себенико, Спалато и т. д. Так, на недавних совещаниях Четырех говорилось о разрешении вопроса национальностей в Фиуме путем предоставления ему автономии, путем превращения его в свободный город.

Хэнки отвечает, что это предложение отпало, и вновь возвращается к вопросу о том, считает ли итальянская делегация нужным принять участие в происходящем сейчас совещании.



Орландо повторяет, что не считает этого необходимым.

Хэнки отвечает, что это ему неприятно и что, по его мнению, речь идет об окончательном предложении.

Хэнки, с которым я поддерживал в течение многих лет совместной работы самые сердечные отношения, выходя со мной из комнаты Орландо, обнаруживает признаки явного смущения. Крепко пожимает мне руку и начинает говорить: «До свиданья...» Он задерживается, точно хочет добавить что-то, затем заключает фразу попросту: «... Альдрованди».

Но одно лишь это слово по тону, которым оно произнесено, по сопровождающему его взгляду отражает волнение, симпатию.

Занятые позиции кажутся окончательными, положение безнадежным.

Орландо и Соннино предполагают отправить письмо о своем уходе с конференции. Заготовлен текст письма, в котором констатируется расхождение союзных и присоединившихся держав по вопросу об удовлетворении итальянских требований; принимаются к сведению заявления Англии и Франции о том, что они придерживаются Лондонского договора; выставляется требование об осуществлении его условий; указывается, что, так как условия мира с Германией уже можно считать в основном окончательными, Италия готова подписать этот договор вместе с союзниками, как только условия мира, касающиеся итальянских границ, будут установлены; напоминает, что, как это явствует из договора, равно как из декларации, подписанной в Лондоне 26 апреля 1915 г.<sup>15</sup>, державы, подписавшие вышеназванные акты, должны прийти к совместному заключению общего мира.

Вторник, 22 апреля.

Итальянская делегация собирается в 9 часов и утверждает текст составленного вчера письма.

Телефонирую Клозу, секретарю Вильсона, о том, что Орландо не будет сегодня на совещании Четырех, но пошлет письмо.

Предварительно договорившись, Орландо в 14 часов отправляется со мной к Ллойд Джорджу. Ллойд Джордж нервничает, бледен.

Орландо говорит ему, что он очень ценит дружеское его отношение к нам во время переговоров последних дней и что поэтому хотелось бы разъяснить содержание письма, которое он предполагает отправить президенту Вильсону и союзникам, с тем чтобы дать ясное представление о намерениях, которыми итальянская делегация руководилась при вынесении решения.

*Ллойд Джордж.*—Что же это должно означать? Что вы не придете в Версаль вместе с нами, когда там будут немцы?

*Орландо.*—Совершенно верно.

*Ллойд Джордж.*—Каковы же будут последствия? Должно ли это означать, что вы не заключите мира с Германией?



*Орlando.*—Нет, мы примем участие в момент заключения об-  
щего мира.

*Ллойд Джордж.*—А тем временем?

*Орlando.*—До тех пор, пока не будут улажены итальянские  
дела, мы не примем участия.

*Ллойд Джордж.*—Но это помешает и нам вести переговоры,  
так как некоторые пункты не были вами приняты и нуждаются  
в вашем одобрении, а мы можем подписать эти условия только  
вместе с вами.

*Орlando.*—Поставьте себя в мое положение и скажите, что бы  
вы стали делать в этом случае. Мы находимся в весьма затрудни-  
тельном положении.

*Ллойд Джордж.*—Согласен, но вы должны принять во вни-  
мание те плачевные последствия, к которым вы приведете ваших  
союзников; с другой стороны, недопустимо, чтобы эти последние  
не смогли самостоятельно и без вас подписать эти условия с Гер-  
манией до того, как будут урегулированы также вопросы, касаю-  
щиеся Болгарии и Турции.

*Орlando.*—В Лондонской декларации говорится, что должен  
быть заключен единый общий мир.

*Ллойд Джордж.*—Да, но так как этого невозможно сделать  
еще и вследствие исчезновения Австро-Венгрии, вы не можете  
помешать нам подписать тем временем мир с Германией.

*Орlando.*—Я спрашиваю: если бы я подписал, что было бы  
с итальянскими делами? Нынешние трудности не изменятся через  
месяц, и если их придется разрешать тогда, я не понимаю, почему  
этого нельзя сделать теперь же.

*Ллойд Джордж.*—Замечу, что положение весьма серьезно;  
не только Италия, но вся Европа нуждается в Америке. Без Аме-  
рики Европа не может жить. Скажу вам в конфиденциальном  
порядке, что президент Вильсон, который вчера казался очень  
раздраженным и упорствовал, пребывает в совершенно враждеб-  
ном и непреклонном расположении духа. Чтобы убедить его при-  
нять предложение об островах, г. Клемансо и я были вынуждены  
просить об этом полковника Хауза, которому с большим трудом  
удалось это сделать. Затем мы получили сообщение о документе,  
который Вильсон хотел направить г. Клемансо и мне и который  
должен был быть сдан вчера вечером в печать и опубликован  
сегодня утром, если бы мы не просили президента отложить печа-  
тание на 48 часов, дабы попытаться найти какой-либо путь к согла-  
шению по итальянским вопросам. Вы представьте себе, какой скан-  
дал вызвало бы напечатание этого документа и как народы различ-  
ных стран стали бы на сторону своих представителей, выступая  
одни против других, ко всеобщему ущербу! Создалось бы непопра-  
вимое положение.

*Орlando.*—Не понимаю, какой враждебный нам смысл можно  
усмотреть в этом заявлении президента Вильсона.



*Ллойд Джордж.*—Знаю, но во всяком случае пожар, который был бы этим вызван, нельзя было бы потушить.

*Орlando.*—Вы говорили о возможности соглашений, но скажите мне откровенно, предлагалось ли какое-либо соглашение, хотя бы в отдаленной степени приемлемое? Вильсон сделал некоторые предложения относительно Фиуме (по типу Данцигского статута<sup>16</sup>), а также о Далмации (по типу Саарского статута<sup>17</sup>), но предложения эти были затем взяты обратно. Нам предстоит разрешить три вопроса: вопрос о Фиуме, об островах и далматинском материке.

*Ллойд Джордж.*—Признаю, что предложения были сделаны отдельно одно от другого. Полагаете ли вы, что предложения эти могли бы послужить базой для обсуждения, если их представить одновременно?

*Орlando.*—Можно было бы это обсудить.

*Ллойд Джордж.*—Я вновь поговорю с президентом Вильсоном, я попытаюсь убедить его принять удовлетворительную комбинацию на вышеуказанных основаниях, которая предусматривала бы передачу Италии линии Альп до Волоски согласно Лондонскому договору; установление в Фиуме режима, аналогичного данцигскому, с дипломатическим представительством и таможенным союзом с Италией; передачу Италии островов, по крайней мере в стратегическом отношении наиболее важных; обращение Зары, Себенико, Трау и Спалато в свободные города с режимом, аналогичным саарскому. Я поговорю об этом с президентом Вильсоном до 15 часов и сообщу вам что-нибудь к 18 с половиной часам.

Орlando сообщил об этой беседе итальянской делегации.

Империали передает Орlando, что Ллойд Джордж ему сказал: «Будьте осторожны с Вильсоном. Это—мстительный человек».

Орlando и я в 18 с половиной часов возвращаемся к Ллойд Джорджу.

Ллойд Джордж сообщает, что после долгих усилий ему удалось убедить Вильсона согласиться с таким решением, в котором, за исключением уже разрешенного в благоприятном для Италии смысле вопроса об альпийской границе и внешней линии островов под итальянским суверенитетом, Фиуме, Зара и Себенико признаются свободными городами под управлением Лиги наций.

Ллойд Джордж добавляет, что вопрос о Спалато, по мнению Клемансо, не может служить предметом обсуждения, так как он не предусматривается Лондонским договором. Что касается Фиуме, то Ллойд Джордж и Клемансо, в случае если бы соглашение не было достигнуто, примкнули бы к Вильсону. По вопросу же о Лондонском договоре Франция и Англия были бы всегда на стороне Италии.

Ллойд Джордж имеет совершенно другой вид: выражение озабоченности исчезло, он спокоен; возможно, что он выслушал мнение своих юристов о Лондонской декларации и о возможном уходе Италии.



Итальянской стороной было решено послать Ллойд Джорджу для передачи Вильсону нижеследующие контрпредложения:

1. Линия Альп (Бреннер до моря, к востоку от Волоски).
2. Фиуме под суверенитетом Италии.

Италия установит в порту Фиуме свободную зону в соответствии со статьями 8, 9, 10, редактированными комиссией по делам портов, водных путей и железных дорог, и распространит на Фиуме те льготы, которые могли бы быть установлены впоследствии общим соглашением, касающимся свободных портов.

3. Италия получит все указанные в Лондонском договоре острова, за исключением Паго.

4. Зара и Себенико будут управляться Лигой наций, причем Италия будет мандатной державой.

Среда, 23 апреля.

Челлере было поручено лично передать Миллеру текст итальянских предложений о соглашении, утвержденных вчера вечером. Он выполнил поручение вчера же вечером. Сегодня утром в 9 часов я отнес текст Керру, секретарю Ллойд Джорджа, живущему с ним вместе.

Керр прочел предложения в моем присутствии. Он хмурится, читая пункт об «итальянском суверенитете над Фиуме». Говорит мне, что, по мнению Ллойд Джорджа, это сделает невозможным соглашение. «Ллойд Джордж сделал все возможное и не в силах сделать больше». Керр спрашивает меня, пойдем ли мы на совещание Четырех в 15 часов. Отвечаю: «Если будут разрешены территориальные вопросы, касающиеся Италии, то пойдем, в противном же случае—нет».

15 часов.—Челлере, оптимист, говорит, что Миллер, поговорив с Вильсоном относительно проекта итальянской делегации, вынес такое впечатление, что Вильсон, «повидимому, был бы непрочь принять все условия».

15 час. 30 мин.—Керр, придя в гостиницу «Эдуард VII», хочет видеть меня. Я его тотчас же принимаю, задержав Челлере, который в это время беседовал со мной. Керру было поручено передать в ответ на сообщенное ему сегодня утром итальянское контрпредложение, что не представляется затруднений к принятию пунктов названного предложения, за исключением одного из них, касающегося вопроса о суверенитете над Фиуме. Я спросил его, в каких условиях окажется Фиуме, если он не будет под итальянским суверенитетом. Керр ответил: «free City» [вольный город], затем поправился: «free State» [свободное государство] по типу данцигского. Я спросил его, будет ли дипломатическое представительство в Фиуме передано Италии, как представительство Данцига было передано Польше. Он ответил мне в отрицательном смысле.



Я спросил его, на кого же оно будет возложено; он ответил мне: «На само государство».

Керр добавил, что необходимо возможно скорее получить ответ от итальянской делегации, потому что Вильсон опубликует свои заявления завтра утром; более того, Керр указал, что декларации будут сделаны тремя державами—Францией, Англией и Соединенными штатами. Я сказал ему, что не вижу, о чем могли бы заявлять Франция и Англия. Я спросил его, знает ли он, кто именно выступал против вопроса о суверенитете над Фиуме, так как на основании сведений, полученных от лица, беседовавшего с президентом Вильсоном сегодня утром о представленных нами пунктах, президент был бы непрочь одобрить все пункты. Керр отвечал, что это исходит от Вильсона, но добавил с некоторым замешательством: «Я, впрочем, не присутствовал при этом». Я тогда сказал ему, что мы надеялись на иное и лучшее решение, так как Клемансо часто говорил, что он нам окажет содействие в вопросе о Фиуме, если мы откажемся от Далмации. Теперь мы уступаем все Далматинское побережье по Лондонскому договору, оставляя в качестве свободных городов Зару и Себенико. Я добавил, что Ллойд Джордж говорил премьеру Орландо, что в вопросе о Фиуме он полагается на то решение, о котором мы договоримся с Вильсоном.

Я сказал Керру, что тотчас же извещу Орландо обо всем сказанном мне и сообщу ему ответ.

В заключение Керр заявил, что Ллойд Джордж готов пойти нам навстречу.

Итальянская делегация, которой я сообщил о том, что мне было сказано Керром, решает отправить тотчас же Челлере к Вильсону, а Имперали—к Ллойд Джорджу с целью выяснения пункта о Фиуме. По телефону испрашивается свидание, когда Трое нахоятся в доме Вильсона.

Вильсон велит ответить, что, будучи занят в настоящее время, примет Челлере, как только это будет возможно. Ллойд Джордж просит Имперали прибыть тотчас же и по его прибытии говорит ему, между прочим, что необходимо вынести решение до опубликования манифеста Вильсона, назначенного на завтра утром.

*17 часов.*—В то время как происходит совещание итальянской делегации, нам приносят газету «Temps» с отпечатанным уже манифестом Вильсона.

Изумление и негодование делегатов.

Соннино предлагает отправить немедленно письмо об уходе Италии с конференции, одобренное во вторник утром и еще не отосланное; Бардзилаи в страшном раздражении замечает, что нельзя его отсылать, потому что в нем содержится отказ от Фиуме; Бардзилаи, между прочим, взывает по вопросу о Фиуме к авторитету короля. После оживленнейшего спора, во время которого Бардзилаи удаляется из комнаты и возвращается в нее только



после того, как его зовут обратно, утверждается новая редакция п. сьма. Это письмо тотчас же отсылается в тождественных экземплярах Клемансо и Ллойд Джордж и препровождается для сведения президенту Вильсону и первому японскому делегату.

Письмо начинается напоминанием о том, что разрешение вопроса об итальянских территориальных требованиях вступило в такую фазу, в которой изыскивается путь к примирению между различными тенденциями и возможностями. Далее в письме говорится:

«Во время переговоров сегодня в 3 часа пополудни г. Керр, секретарь г. Ллойд Джорджа, сделал итальянской делегации сообщение от имени трех держав—союзных и присоединившейся,—касающееся рассматриваемого вопроса.

В 4 часа 30 мин. пополудни маркиз Имперали запросил от имени итальянской делегации и получил от г. Ллойд Джорджа разъяснения относительно одного из пунктов названного сообщения.

Итальянская делегация обсуждала требуемый ответ, когда в дневных парижских газетах появилось послание президента Вильсона, которое нам, несомненно, известно».

Орlando затем заявляет, что он хочет воздержаться от всякого суждения по этому поводу, но не может обойтись без того, чтобы не апеллировать к договору о союзе, связывающему нас с союзниками, с вытекающими из него обязательствами и правами. После напоминания о возобновленных союзниками более формальных заявлениях, «относительно которых никогда не высказывалось сомнений», об обеспечении Италии всех прав, вытекающих из договора, в письме говорится:

«Ссылаясь на эти союзные обязательства, я обращаюсь к вам с просьбой принять во внимание то обстоятельство, что итальянская делегация вследствие происшедшего серьезного инцидента не видит возможности принимать дальнейшее участие в работах конференции.

Условия мира с Германией могут уже считаться установленными в их существенных элементах, и я заявляю, что был бы в состоянии подписать их вместе с союзниками Италии после того, как вопрос об итальянских границах будет одновременно урегулирован.

Действительно, из договора, равно как и из декларации, подписанных в Лондоне 26 апреля 1915 г., ясно следует, что державы, подписавшие вышеназванные акты, должны сообща притти к заключению общего мира».

Орlando получил весьма сердечное и любезное письмо Ллойд Джорджа, в котором, выражая свое крайнее сожаление по поводу трудностей настоящего момента, Ллойд Джордж спрашивает, возможно ли сделать еще что-либо во избежание катастрофы. Он спрашивает, может ли он побеседовать с Орlando и не желает ли Орlando позавтракать с ним завтра утром, в 9 часов, «разумеется, с графом Альдрованди» и, если Орlando «желает—с бароном Соннино», или же, если Орlando предпочитает, он сам мог бы притти в указанный час в гостиницу «Эдуард VII». В заключение Ллойд Джордж пишет: «Я искренне желаю быть полезным Италии и оказать ей всяческую помощь».



Орландо велит ответить, что охотно примет Ллойд Джорджа в гостинице «Эдуард VII», в час, который окажется наиболее удобным для британского премьер-министра.

Орландо готовится немедленно ответить на послание президента Вильсона. Повидимому, его лихорадит. До поздней ночи, под давлением ожидающих итальянских и иностранных журналистов, он занят составлением листков с ответами, которые он передает нам по мере их написания.

Четверг, 24 апреля.

Агентство Рейтер опубликовало ночью сообщение, в котором говорится, что, если итальянцы, несмотря на то, что Великобритания советовала Италии отказаться от некоторых ее требований, все же будут настаивать на получении ими прав, предоставленных им Лондонским договором, Франция и Великобритания выполняют свои обязательства. В заключение в коммюнике говорится: «Президент Вильсон опубликовал декларацию под своей ответственностью».

В 10 с половиной часов Ллойд Джордж посетил Орландо.

Орландо благодарит его за дружелюбный жест, выраженный вчерашним письмом и сегодняшним приходом.

*Ллойд Джордж.*—Уверяю вас, что для меня явилось большой неожиданностью опубликование Вильсоном его декларации, в то время как я знал, что он должен был опубликовать ее только сегодня утром. Поэтому я и послал вам в 3 часа сообщение с Керром.

*Орландо.*—Я приготовил ответ на послание президента Вильсона.

*Ллойд Джордж.*—В этом ответе вы говорите о Фиуме?

*Орландо.*—Да.

*Ллойд Джордж.*—Видите ли, это ставит вас в очень деликатное положение и по отношению к нам. Как вы знаете, в Лондонском договоре Фиуме предназначался хорватам, и Франция и Англия не могут отдать его вам, отняв его у них.

Вы должны принять во внимание, что Италии не следовало бы настаивать на получении этой территории, с тем чтобы впоследствии очистить ее по требованию союзников. С другой стороны, если вы с нами не договоритесь, вы нарушите договор с нами, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

*Орландо.*—Нет, я говорю о Фиуме потому, что Вильсон говорит о нем в своем послании, и я опровергаю своими доводами его доводы; но я намерен оставаться верным союзником. И если я по известным вам причинам покину Париж, я нисколько не намерен нарушать союз.

*Ллойд Джордж.*—Ваш уход, однако, является весьма серьезным фактом, потому что он совпадает с прибытием врагов, явившихся для подписания мира. Я считаю ваш шаг очень вредным и хотел бы, чтобы было сделано все возможное, чтобы избежать его.

*Орландо.*—Я не знаю, что можно было бы сделать.



*Ллойд Джордж.*— Не думаете ли вы, что можно было бы сделать последнюю попытку и постараться достигнуть соглашения сегодня же?

*Орландо.*— Мне представляется затруднительным достигнуть соглашения в течение нескольких часов.

*Ллойд Джордж.*— Меня заботит также серьезное положение, которое может возникнуть между вами и Америкой. Италия и Европа абсолютно нуждаются в Америке, и разрыв с вами может повести к самым серьезным последствиям. Я боюсь, что послание Вильсона вызовет в Италии манифестации и взрыв страстей, которые принесут один лишь вред. Если одновременно или вскоре после опубликования послания можно было бы объявить, что переговоры возобновились или, лучше того, что соглашение достигнуто, положение возможно было бы спасти.

*Орландо.*— Я понимаю всю серьезность вашего совета, и я согласился бы остаться несколько дней, но следовало бы сделать сообщение, из которого явствовало бы, что вы и Клемансо просили меня остаться.

*Ллойд Джордж.*— Не возражаю против этого. Можно было бы поступить следующим образом: «По просьбе г. Клемансо и г. Ллойд Джорджа г. Орландо согласился отложить свой отъезд из Парижа, предполагая возобновить переговоры для разрешения вопроса о Далмации и Фиуме».

*Орландо.*— Полагаю, что было бы лучше включить в коммюнике также слова: «по просьбе президента Вильсона».

Керр, сопровождавший сегодня утром Ллойд Джорджа в гостиницу «Эдуард VII», вручает мне свое письмо, датированное сегодняшним числом.

Письмо это, касающееся сообщения, сделанного Орландо вчера вечером Ллойд Джорджу и другим, уточняет, что «итальянское предложение было рассмотрено тремя державами и что он уполномочен г. Ллойд Джорджем заявить, что соглашение невозможно до тех пор, пока Италия требует суверенитета над Фиуме, но что он, Ллойд Джордж, полагает, что по другим пунктам было бы возможно договориться».

По правде говоря, вчера в присутствии Челлере я слышал нечто иное; к этому и относилась фраза во вчерашнем письме Орландо о том, что г. Керр, секретарь г. Ллойд Джорджа, сделал итальянской делегации сообщение «от имени трех держав— союзных и присоединившейся».

Готовлю для Керра мое письмо в этом смысле, но, выслушав Соннино, не отправляю его, ибо теперь это бесполезно.

В полдень Керр приносит текст сообщения, согласованного сегодня утром между Ллойд Джорджем и Орландо, с указанием, что просьба об отсрочке отъезда Орландо сделана также от имени президента Вильсона.



Итальянская делегация посылает меня к Ллойд Джорджу со следующим сообщением: «Итальянская делегация принимает полученное обращение, но полагает, что было бы в интересах дела, чтобы эта последняя попытка соглашения была сделана до полудня. Итальянская делегация готова к услугам союзников и присоединившейся державы для ведения тех переговоров, которые могут иметь место в послеполуденное время».

Назначаю заседание на 16 часов; однако, по совету Саландры, уже не у Вильсона, как обычно, ввиду позиции, занятой им в деле с опубликованием послания, а у Ллойд Джорджа.

В мое отсутствие, в то время когда я передавал предписанное мне сообщение, Бардзилаи защищал в делегации ту мысль, что теперь уже не следует входить в рассмотрение вопроса.

Думаю, что Соннино, наоборот, хотел бы, чтобы были сделаны конкретные предложения со стороны союзников в соответствии с этим сообщением, но, повидимому, Соннино умолчал об этом.

К Ллойд Джорджу отправляемся в одной машине: Орландо, Соннино и я. Молчание в течение всего пути.

*16 часов.*—На заседании, кроме обычных участников, присутствует американский секретарь Клоз.

Ллойд Джордж спрашивает Орландо, не имеется ли у него предложений.

*Орландо.*—Должен заявить, что я с максимальным вниманием обсудил положение, которое представляется несомненно весьма серьезным. Я имел два телефонных разговора с моими коллегами в Риме и должен заявить, что положение создалось весьма мучительное. Но есть вопрос, который следует разрешить даже раньше территориальных вопросов, а именно вопрос о впечатлении, произведенном посланием президента Вильсона. Я должен заявить, что мое уважение и личная дружба к президенту Вильсону, которую я старался всячески ему засвидетельствовать, заставляют меня думать, что, направляя ко мне послание, он руководился только дружескими намерениями. Но в политике приходится, кроме того, считаться с общественными настроениями, которые нередко выходят за пределы действительного положения вещей. В этом документе невозможно усмотреть что-либо, что не было бы выражением дружбы и любезности, но на публику он производит такое впечатление, что призыв, обращенный к итальянскому народу или даже к заинтересованным народам, ставит под сомнение помимо его воли мой авторитет как представителя итальянского народа. Такое впечатление создалось у всех в Италии и в Риме; это ставит меня в деликатное положение, поэтому мне необходимо вернуться к источнику моего авторитета. Если я решил уехать, то обстоятельство это никакого отношения к вопросам территориальных соглашений не имеет. Я вовсе не думаю о разрыве, но я обязан вернуться к своему народу, для того чтобы



установить, с какими полномочиями я могу принимать участие в конференции. Вопросы территориальные отходят на второй план. Вы могли бы предоставить то, о чем я просил вчера, я же не смог бы повторить свои слова. Я должен был бы заявить, что я обязан вернуться в Рим. Я должен удостовериться, каковы мои полномочия. Я не уверен, что после всего случившегося я имею право принимать или отвергать что бы то ни было.

*Вильсон.*—Г-н Орlando выступил с удивительным изложением своей позиции; я могу уверить его, что выраженные им чувства пользуются взаимностью. Ничего, кроме уважения, я не испытываю к тому, что было им сказано. Ничто не может оказать влияния на наши отношения, но я нахожу весьма благородным тот способ и ту форму, в которой он пожелал выразить свои чувства, и благодарю его за это.

Есть одна сторона вопроса, которая никогда не входила в мои намерения, а именно обращение к итальянскому народу против него. Этого у меня никогда не было в мыслях. Я пользуюсь этим случаем, чтобы изложить мотивы, побудившие меня опубликовать этот документ. Я должен напомнить г. Орlando, что моя позиция в этом вопросе была неизменна с самого первого момента. В течение всех этих месяцев высказывались сомнения со стороны публики, не принимавшей участия в обсуждении вопроса. Во Франции, Италии и Америке печатались вещи, выставившие меня и мой народ в ложном свете, и мне необходимо было выступить с этим заявлением, чтобы показать моему народу, каковы принципы, на которых основывается мое поведение. Кроме того, следовало рассмотреть, какое впечатление создалось в других государствах ввиду этих произвольных толкований. Я очень рад тому, что было сказано г. Орlando относительно как его поездки в Рим, так и его намерения не порывать с союзниками и присоединившейся державой. Уход великого Итальянского королевства с конференции в момент подписания мира с Германией явился бы роковым шагом, и я рад был узнать, какова цель поездки г. Орlando в Рим. Там он изложит свою точку зрения. Он говорил мне о своих впечатлениях, и я признаю его желание возвратиться домой, с тем чтобы узнать, чего желает его народ. Я надеюсь и жду, когда будет опубликовано, какая именно необходимость вынуждает его вернуться в Рим, т. е. станет известно, что этот его шаг вызван его желанием выяснить положение, а не стремлением уйти с конференции в этот критический момент.

*Орlando.*—Я благодарю президента Вильсона за его благородное заявление. Его желание дать мне эти разъяснения продиктовано его доброжелательством, так как я уже заявлял о том, что всякое недружелюбное отношение ко мне я исключаю, а также тем, что он так хорошо понял мотивы моего отъезда. В дополнение скажу со всей откровенностью, что, если бы даже не возникло это положение, было бы, быть может, хорошо с моей стороны отпра-



виться для возобновления связи с моим народом. Напомню, что в определенный момент президент Вильсон сам мне советовал отправиться в Рим изложить там положение моей страны. Теперь это стало необходимо. Опубликование послания сделало повсеместно известной необходимость моей поездки, которая до сих пор только подразумевалась. У нас имеются расхождения по вопросам, непримиримость которых доказана опытом. Я желал бы известить об этом мой народ, и я заинтересован в отсрочке решения этого вопроса. Я изложу положение в отношении соглашений, которые можно было бы заключить как с одобрения президента Вильсона, так и путем соблюдения Лондонского договора. Я говорю, как друг своему другу. Италия превратила вопрос о Фиуме в национальный вопрос. Америка и союзники заявили, что они не могут дать своего согласия. Поэтому придется решать итальянскому народу. Он увидит, можно ли примириться с этой жертвой. Положение остается весьма серьезным, но оно будет разъяснено; мы извлечем по крайней мере эту выгоду.

*Вильсон.*—Я прошу г. Орlando выявить в своих заявлениях парламенту также позицию Соединенных штатов, с точки зрения которых поддержка Лондонского договора—не в интересах взаимоотношений Италии и Югославии и не в интересах всеобщего мира. Как бы я ни желал притти к соглашению, я должен быть открытым и сделать эту оговорку.

*Орlando.*—В моих заявлениях итальянской палате депутатов я напомню не только содержание послания президента Вильсона, но также о том, какие заключения были выведены мною из частных с ним разговоров, равно как и о меморандуме, который он недавно мне вручил, разрешив мне воспользоваться им в итальянском парламенте.

*Клемансо.*—Прошу разрешить мне изложить свою точку зрения, которая является равным образом точкой зрения г. Ллойд Джорджа в вопросе о Фиуме. Лондонский договор связал нас с Италией в вопросе о некоторых территориях, но он обязал нас также по отношению к славянам, которым по этому договору передается Фиуме. Если мы не можем изменить нашему слову по отношению к Италии, мы не можем сделать этого также и по отношению к славянам.

*Ллойд Джордж.*—Согласен. Но, кроме того, нельзя отрицать, что после подписания Лондонского договора возник новый элемент: вступление в войну Соединенных Штатов Америки, совершенно свободных от каких бы то ни было соглашений и обязательств перед остальным миром. Это не меняет нашей точки зрения о Лондонском договоре, но при некоторых обстоятельствах это повело бы к пересмотру вопроса о Фиуме. Ввиду сложившихся обстоятельств я считаю себя свободным взять на себя ответственность за внесение изменений в Лондонский договор в вопросе о Фиуме. По Лондонскому договору Фиуме передается Хорватии.



Если Италия внесет изменение относительно Далмации, мы будем вправе внести изменение касательно Фиуме. Изменение это будет заключаться в превращении Фиуме в свободный порт, контролируемый самим итальянским, венгерским и славянским населением, с предоставлением всем близлежащим территориям, обслуживаемым его портом, одинаково свободного выхода к морю. В этих пределах я считаю себя вправе внести изменения в Лондонский договор, если союзники будут согласны. Я не могу требовать, чтобы г. Орландо не ездил в Рим; я сам недавно вынужден был отправиться в Лондон по обстоятельствам менее важным, но я хотел бы знать, какова будет тем временем позиция Италии. Если бы речь шла о нормальной неделе, никакого неудобства отсутствие г. Орландо не представило бы, но в ближайший вторник немцы, вероятно, будут здесь. Наш главный противник, единственный противник, до сих пор стоящий на ногах, будет здесь. Если г. Орландо тут не будет, быть может, будет Соннино? Когда г. Орландо сможет выслушать мнение парламента?

*Орландо.*—Я мог бы созвать его на 28 апреля.

*Ллойд Джордж.*—Немецкие делегаты смогут быть здесь во вторник. Будет ли Италия тем временем проконсультирована? Имеется вопрос о репарациях. Вчера английские и итальянские эксперты приняли совместные решения, но итальянские делегаты не были представлены на совещании Верховного совета, на котором должно было быть принято окончательное решение. Сегодня должно состояться решение. Можно ли выносить решения в отсутствие Италии? Полагаю, что невозможно. Я думаю, что народы в общем больше заинтересованы в экономических, а не территориальных вопросах, которыми интересуются особенно газеты и специальные лица, занимающиеся внешней политикой. Затем в вопросе об угле Франция представлена г. Лушером; будет ли Италия представлена г. Креспи? Должна ли Италия не быть при этом представленной? Имеются серьезные вопросы, касающиеся экспорта немецкого угля. Имеют ли союзники право выдвигать требования от имени Италии, которая при этом не будет представлена? Хочет ли Италия, чтобы мы занялись разрешением касающихся ее вопросов? Будет ли она согласна с тем, что нами будет принято от ее имени, или она скажет, что мы не имели никакого права давать согласие? Имеется также вопрос об общем кредитовании мероприятий, направленных к восстановлению нормального течения жизни Европы. Примет ли Италия участие в соответствующей схеме? Кто будет обсуждать ее от имени Италии? Должны ли мы выдвигать итальянские требования? Или же мы должны идти своим путем и затем добавить итальянские требования? Так как Италия не была удовлетворена в вопросах о мире с Австрией, должна ли она не получить мира с Германией? Это проблемы, имеющие практический характер, на которые я желал бы получить ответ.

*Клемансо.*—После событий этих последних дней немцы смогли



бы обнаружить трения среди союзных держав; если итальянцы не будут представлены в Версале, это затруднило бы заключение мира.

*Вильсон.* — Надеюсь, что итальянская делегация останется. Я полагаю, что сказанное г. Ллойд Джорджем преследовало эту цель.

*Ллойд Джордж.* — Да, это было моей целью.

*Орlando.* — Принимаю к сведению заявление гг. Клемансо и Ллойд Джорджа относительно Лондонского договора, но сейчас не время входить по существу в разбор этого вопроса. Что касается замечаний г. Ллойд Джорджа, я признаю их практически правильными. Имеются два вопроса. Первый касается промежутка времени между нынешним моментом и подписанием договора с Германией. В течение последних недель договор этот был обсужден и условия его были в принципиальном порядке согласованы. Остается решить много серьезных вопросов. Однако я питаю доверие к союзникам и считаю, что, когда им придется обсуждать какие-либо вопросы, касающиеся итальянских интересов, они рассмотрят их с таким же беспристрастием, как если бы Италия была представлена здесь своим адвокатом. Я полагаюсь на них, как на судью, стоящего на страже справедливости в процессе, в котором одна из сторон не имеет защитника. Однако я мог бы поговорить со своими коллегами из делегации, чтобы исправить положение. Я мог бы оставить Креспи, который продолжал бы поддерживать контакт со своими коллегами. Во-вторых, еще стоит вопрос о нашем присутствии после прибытия немцев. Я читал в газетах, что они просили отложить переговоры на 1 мая.

*Клемансо.* — Об этом у меня не имеется официальных сведений. Все, что я читал в газетах, сводится к тому, что они могли бы уехать из Берлина до 28 апреля.

*Орlando.* — Я надеюсь, что мне удастся в самом ближайшем времени посоветоваться с парламентом. Я согласен с замечаниями гг. Ллойд Джорджа и Клемансо о том, что не следует вызывать в немцах впечатление, будто союзники менее сплочены, чем раньше, но, с другой стороны, поставленные на карту основные вопросы имеют настолько жизненное значение для Италии, что я предпочитаю пойти навстречу трудностям, на которые указывал г. Ллойд Джордж.

*Клемансо.* — Мне хотелось бы знать, будет ли Италия представлена на заседании с немцами.

*Орlando.* — Это будет зависеть от тех решений, которые будут приняты в Италии. Прошу отсрочки.

*Вильсон.* — Вопросы итальянской границы не имеют тесного отношения к миру с Германией; не вижу ничего противоречивого для Италии, если она примет участие в заключении мирного договора с Германией с необходимыми оговорками, касающимися мирного трактата с Австрией.

*Ллойд Джордж.* — Считаю, что если итальянцы не будут представлены, то, несмотря на их веру в своих союзников, будет невозможно выдвигать их требования. Если они не будут участвовать



в заседании 1 мая, если г. Орландо не получит согласия своего парламента на участие в названном заседании, каким образом могут быть выдвинуты их требования?

*Клемансо.*—Полагаю, что мы с трудом могли бы встретиться к этому сроку, ибо это потребовало бы внесения изменений в редакцию всего трактата.

*Ллойд Джордж.*—Немцы спросят, где же представители Италии. Мы не можем выставлять требования за Италию, это было бы возможно при участии итальянцев или же в том случае, если бы г. Орландо обратился к союзникам с письменной просьбой о представлении требований от имени Италии.

*Орландо.*—Если возражение г. Ллойд Джорджа рассматривать само по себе, на это может быть лишь один ответ: он прав. Я признаю невозможность внесения предложений со стороны не представленной на конференции державы. Вопрос этот должен быть тщательно рассмотрен, и решение должно быть принято соответственно с обстоятельствами. Я согласен с г. Ллойд Джорджем, что Италия, если она не будет представлена, не будет вправе выставлять какие-либо требования к Германии.

Я не согласен с г. Клемансо, что редакция статей должна подвергнуться большим изменениям, так как Италия лишь по немногим вопросам заинтересована в договоре с Германией, за исключением вопроса о репарациях.

Но возражение г. Ллойд Джорджа я рассматриваю в связи с требованием президента Вильсона, чтобы Италия приняла участие в заключении мира с Германией, отсрочив договор с Австрией. На это у меня имеется два ответа. Первый заключается в том, что общая интерпретация Лондонского договора 1915 г. и присоединение Италии к сентябрьской Лондонской декларации 1914 г.<sup>18</sup> подразумевают, что мир должен быть общим. Мир не был бы общим, если бы другие державы пользовались миром, а Италия не пользовалась. Верно, что президент Вильсон не связан этими пактами, но я должен указать вам, что вопрос должен быть рассмотрен с точки зрения общей справедливости не только союзниками, но и вместе с присоединившейся к ним державой, и что мир должен быть общим. С другой стороны, я должен указать президенту Вильсону, что при подписании мирного договора с Германией подписывается также статут Лиги наций. Одна из статей устава Лиги наций предусматривает взаимные гарантии, касающиеся территорий, подписавших этот пакт держав. Получилось бы, что Италия обязуется гарантировать чужие территории, не будучи сама гарантирована. Другое затруднение возникло из того факта, что в пакте Лиги наций имеется условие, направленное к предотвращению будущих войн и разрешению мирным путем конфликтов между государствами. Если Италия войдет в Лигу наций, это будет означать, что вопрос ее границ с южными славянами мог бы рассматриваться как вопрос, подлежащий разрешению Лигой наций,



а не как следствие победоносной войны. Это мне помешало бы подписать мир с Германией в том случае, если бы итальянские территориальные вопросы не были сначала разрешены.

*Ллойд Джордж.*—Если г. Орlando уезжает, необходимо решить, что следует сообщить печати.

*Соннино.*—Г-ну Орlando не легко будет выступить с точными заявлениями в итальянской палате, если не имеется предложений других сторон. Я полагал, что сегодня будут сделаны предложения, касающиеся последней точки зрения союзников и присоединившейся к ним державы, но президент Вильсон выступил с той же мыслью, которая была изложена им три или четыре дня назад, до того, как были внесены некоторые дополнительные предложения.

Г-н Ллойд Джордж говорил, что в вопросе о Фиуме он согласился с тем, чтобы внести изменения в известном смысле в статьи Лондонского договора, если Италия пожелает пойти на уступки. Повидимому, г. Клемансо придерживается иной точки зрения; он подтвердил, что Фиуме был обещан Хорватии.

*Ллойд Джордж.*—Идея превращения Фиуме в свободный город и отторжения его от хорватов является изменением, на которое мы согласны, если Италия расположена внести изменения в Лондонский договор.

*Соннино.*—Г-н Клемансо согласен с этим?

*Клемансо.*—Это моя точка зрения.

*Вильсон.*—В меморандуме, врученном мною на-днях г. Орlando, я одобрял идею превращения Фиуме в свободный город, как это указано на приложенной к нему географической карте.

*Соннино.*—В меморандуме президента Вильсона указываются другие границы, вроде Истрии, не соответствующие Лондонскому договору. Согласен ли президент Вильсон оставить эти границы, как они указаны в договоре? Я обращаюсь с этим вопросом исключительно в целях выяснения положения.

*Вильсон.*—В меморандуме я заявлял, какова должна быть позиция Соединенных Штатов, от которой я не желаю отдаляться. Надеюсь, что в своих заявлениях в итальянском парламенте г. Орlando сообразовался с моим меморандумом.

*Орlando.*—Мне хотелось бы резюмировать мысль Соннино. Чтобы ясно изложить в парламенте положение, необходимо ознакомиться с заявлениями президента Вильсона в соответствии с его меморандумом, а также с заявлениями правительств, подписавших Лондонский договор. Теперь Соннино спрашивает, можем ли мы сделать в итальянском парламенте сообщение о решении, относительно которого два союзника и присоединившаяся к ним держава согласны между собой. Могу ли я заявить, что имеется решение, на которое все трое могут согласиться? Если вы не можете дать мне ответ сегодня, быть может, вы дадите мне его завтра. Могу ли я пока сказать, что союзники сообразуются с Лондонским договором?



*Клемансо.*—Могу ответить сейчас, равно как и г. Ллойд Джордж.

*Орландо.*—Относительно декларации, касающейся Лондонского договора, меня спросят: «Имеется ли у вас согласие президента Вильсона?»

*Вильсон.*—По этому поводу я должен ответить, что я не могу предлагать изменения принципов, являющихся основой моих заявлений, но могу рассмотреть предложения; до сих пор не делалось никаких предложений, по которым можно было бы договориться.

*Ллойд Джордж.*—Это не моя точка зрения. Г-н Клемансо и я пытались предложить среднюю линию, с тем чтобы поддержать союзника и сохранить мир, и пришли к заключению, что президент Вильсон был бы готов дать свое согласие в случае, если итальянские коллеги также выразят свое согласие. Я лично позволил себе заявить итальянцам, что так обстояло дело. Если я ошибся, я сожалею об этом. Я сообщил итальянским представителям, что если они готовы отказаться от своих прав на Далматинское побережье, оставляя Зару и Себенико в качестве свободных городов, и довольствоваться островами, за исключением тех из них, которые практически составляют часть материка, я полагал, что президент Вильсон не возражал бы, и можно было бы на этой основе достигнуть соглашения.

*Вильсон.*—Я никогда не брал на себя обязательства относительно такого соглашения; я только просил г. Ллойд Джорджа установить, согласны ли итальянцы обсудить вопрос на этой основе, причем был получен отрицательный ответ. Во всяком случае я остался при своем мнении. Мне жаль, если мне не удалось ясно высказаться.

*Ллойд Джордж.*—Вина всецело ложится на меня. У меня сложилось впечатление, что если итальянцы примут это соглашение, то со стороны президента Вильсона не встретится никаких непреодолимых препятствий.

*Вильсон.*—Я хотел бы, чтобы мои итальянские друзья не думали, будто я не желаю обсудить все стороны вопроса. Я готов сделать это сто раз, если это необходимо.

*Ллойд Джордж.*—По тому, как президент Вильсон настаивал на том, чтобы Спалато и внутренние острова были оставлены вне обсуждения, у меня сложилось впечатление, что он был бы готов принять остальное.

*Сопнино.*—Это случилось позавчера, когда было выдвинуто неприемлемое для нас предложение. Мы вновь обсудили вопрос и нашли, что мы можем выдвинуть контрпредложение, заключающееся в следующем:

1. Линия Альп—до моря на восток от Волоски.
2. Суверенитет Италии над Фиуме с предоставлением крупных льгот и свобод в пользовании его портом.
3. Острова, предусмотренные Лондонским договором, за исключением острова Паго.



4. Признание Зары и Себенико свободными городами под мандатом Италии.

Мы получили ответ, что пункт о суверенитете над Фиуме неприемлем, но что остальное приемлемо.

*Вильсон.*—Вы полагали, что речь идет об общем соглашении?

*Ллойд Джордж.*—Я полагал, что именно таково было положение после утреннего заседания, за исключением вопроса о мандатах, о которых я забыл. Однако я полагал, что остальное было полностью принято.

*Соннино.*—Вчера днем мы узнали из сообщения, сделанного Керром графу Альдрованди, что требование о суверенитете над Фиуме неприемлемо, но что остальное могло бы быть одобрено. Тогда мы пожелали выяснить, чем бы был заменен суверенитет Италии над Фиуме. Я прошу Альдрованди сказать, был ли нами получен ответ.

*Альдрованди.*—Маркиз Имперiali был уполномочен выслушать мнение г. Ллойд Джорджа для выяснения международного положения Фиуме. Имперiali получил ответ в том смысле, что Фиуме будет превращен в свободный город, подчиненный Лиге наций.

*Вильсон.*—Г-н Ллойд Джордж, вышедший во время совещания навстречу прибывшему к нему послу Имперiali, вернулся в помещение, где мы обсуждали вместе с нашими консультантами вопрос о репарациях, и информировал нас о содержании сообщения посла. Однако по поводу ответа на это сообщение он со мной не советовался.

*Соннино.*—У меня получилось такое впечатление, что Фиуме должен быть объявлен свободным городом с широкой прилегающей к нему зоной.

*Ллойд Джордж.*—Это—предложение, содержащееся в документе президента Вильсона.

*Вильсон.*—Барон Соннино говорил, что нам было послано сообщение в течение вчерашнего дня, в то время когда мы советовались с нашими консультантами о репарациях. Мне помнится только, что г. Ллойд Джордж вышел из комнаты, чтобы видеть маркиза Имперiali и, вернувшись, сообщил только г. Клемансо и мне о том, что требовал маркиз Имперiali. Барон Соннино сказал, однако, что он получил сообщение.

*Клемансо.*—Я не посылал никакого сообщения.

*Ллойд Джордж.*—Мы долго обсуждали вопрос на утреннем заседании. Я не говорил ничего такого, что не соответствовало бы тому, о чем мы уже договорились. Единственный пункт расхождения касался мандатов, и по этому вопросу возникла неясность, но не со стороны графа Альдрованди. Это была моя вина; я забыл упомянуть о мандатах в связи с Зарой и Себенико. Все остальное явствовало из утреннего разговора. Маркиз Имперiali хотел узнать от меня, каково было бы положение Фиуме, если бы суверенитет над ним принадлежал не Италии.



Я ответил ему, что город Фиуме остался бы подчиненным Лиге наций. Другой вопрос маркиза Имперiali касался дипломатического представительства от Фиуме, и я ответил, что населению Фиуме следовало бы самому заняться этим.

*Соннино.*—В доставленном нам маркизом Имперiali ответе указывалось, что Фиуме будет свободным городом, подчиненным Лиге наций. Мы приступили к обсуждению этого ответа, но в это время нам принесли газеты с опубликованным в них посланием Вильсона. Это меняло все положение, и мы не отослали ответа на доставленные г. Керром предложения, но отправили союзникам другое сообщение. Сегодня в гостиницу «Эдуард VII» прибыл г. Ллойд Джордж посоветоваться о возможности достижения соглашения в течение текущего дня. Мы благодарили г. Ллойда Джорджа за его участие. Я предполагал, что, придя сюда, мы найдем здесь какое-либо предложение Трех. Тогда мы смогли бы сказать парламенту что-либо более определенное. Бесполезно заявлять ему, что двое из союзников готовы сделать что-либо, а третий—нет.

*Ллойд Джордж.*—Я оказываюсь в обычном для меня неприятном положении человека, желающего найти разрешение вопроса при наличии двух трудно примиримых сторон. Однако я еще надеюсь сделать какое-либо предложение. Но, как я понял, что бы ни было предложено, двое моих итальянских коллег не имеют пока возможности принять предложение.

*Соннино.*—Мы находимся в весьма затруднительном положении, но я хотел бы точно знать размеры разделяющего нас расстояния.

*Ллойд Джордж.*—Я понимаю затруднительное положение, в котором оказывается президент Вильсон, заявляющий, что он выразил свое согласие, между тем как он не может примирить этого согласия со своими принципами. Итальянские представители могут возвратиться в Италию с предложением, согласованным между тремя их коллегами, но тогда они могут оказаться в совершенно другой атмосфере, в условиях которой понятна только одна точка зрения. Поэтому я вполне понимаю трудность для президента Вильсона заявить *a priori* [заранее] итальянским представителям, на что он мог бы дать свое согласие. У меня самого имеется большой опыт в области споров между промышленниками и рабочими. Я всегда говорил: «Хотите ли вы, рабочие, взять на себя ответственность за принятие данного предложения, если другая сторона поступит так же?» Теперь я говорю то же самое итальянским представителям: «Берете ли вы на себя ответственность рекомендовать то, что было бы здесь временно установлено?»

*Соннино.*—Да, в том случае, если это будет приемлемо.

*Орlando.*—Я не думаю, чтобы у меня было право давать согласие на какое бы то ни было предложение; это противоречило бы заявлению, сделанному мною в начале настоящего заседания. Я должен изложить перед парламентом мое положение. Я обра-



щался к трем державам, из коих две союзные и одна присоединившаяся, с вопросом, имеется ли у них проект, получивший их одобрение. Они дали мне отрицательный ответ. В последнем их предложении, как я его понял, они говорили о превращении Зары и Себенико в свободные города, о передаче Италии островов и о признании Фиуме свободным городом, но они забыли об одном пункте, а именно об Истрии. Для Италии важно, чтобы границы спускались вплоть до Волоски.

*Соннино.*—Предложение, как мы его поняли, предусматривало всю Истрию до линии на восток от Волоски. Г-н Ллойд Джордж спрашивал, согласятся ли итальянцы принять предложение, если бы имелось согласие трех держав. Он желал узнать, сможем ли мы рекомендовать принятие такого предложения. Я ответил, что если предложения будут приемлемы, мы их будем рекомендовать. Г-н Ллойд Джордж разъяснил затруднительность для президента Вильсона выдвинуть точное предложение. Однако надежда на успех невелика, если придется излагать весь вопрос парламенту, не получив предварительно подробно разработанной основы.

*Ллойд Джордж.*—Если итальянские министры не готовы принять на себя ответственность за то, чтобы рекомендовать предложение парламенту, бесполезно обсуждать дальше вопрос, так как мы не оказались бы на равной ноге с нашими итальянскими коллегами.

*Соннино.*—Если мы сможем получить план, который мы признаем приемлемым, мы сможем сказать, что согласны всячески рекомендовать его.

*Орlando.*—До сих пор мы, однако, не получали никакого предложения в этом роде.

*Вильсон.*—Г-н Орlando должен будет разъяснить трудное положение, в котором находятся различные нации. Великобритания и Франция связаны договором, а Соединенные Штаты—известными принципами. Он должен будет разъяснить эту ситуацию в парламенте и спросить: «Уполномочен ли я вернуться в Париж и урегулировать все наилучшим способом?» Я не думаю, что было бы правильно формулировать предложение, которое г. Орlando мог бы выдвинуть перед парламентом.

*Соннино.*—Опасность заключается в следующем: допустим, что парламент подтвердил свое доверие к нам и мы вернулись сюда с предписанием найти разрешение вопроса, но нам не удалось найти его. Положение будет гораздо хуже. Если бы сегодня было сделано предложение и мы нашли бы его приемлемым, мы тогда знали бы, на чем следует базировать наши сообщения и предложения парламенту. В противном случае мы возвратимся сюда с мандатом, но без всякой вероятности найти разрешение вопроса.

*Орlando.*—Я согласен с президентом Вильсоном. События последних дней разъяснили положение. Почему должны мы оказывать давление на президента Вильсона? Положение должно



оставаться таким же, как вначале. Что станет делать парламент? Я не скажу: «Решайте как вам нравится». Кабинет должен иметь свое мнение. И я выскажу его. Или парламент подтвердит свое доверие, или придут другие. Но я надеюсь, что как в том случае, когда я обратился с призывом к итальянскому народу после Капоретто, на каковой призыв последовал единодушный ответ итальянского народа, так и в настоящем случае итальянский народ выкажет свою единодушную волю. Президент Вильсон получит более ясные основания для своего решения.

*Соннино (к Орландо).*—Я не нахожу этого.

*Вильсон.*—Я думаю, что было бы великолепно занять такую позицию. Г-н Орландо, положим, скажет, что Вильсон, опубликовавший свои предложения, готов теперь от них отказаться, каково будет в этом случае мнение в Италии?

*Соннино.*—Вы одобрите заключение соглашения с южными славянами. Последовать совету президента Вильсона было бы опасно, потому что мы не можем сказать в палате: «Окажите нам доверие во всем, что бы ни случилось». Будет гораздо труднее притти к соглашению после того, как мы побываем в парламенте. Если бы возможно было найти решение теперь же, нам было бы гораздо легче выступить перед нашим парламентом.

*Ллойд Джордж.*—К несчастью, здесь происходит столкновение принципов. Имеются принципы президента Вильсона, с которыми я согласен и которые я защищал, несмотря на известное противодействие; затем существует принцип, в силу которого подписанные международные договоры должны уважаться, и это нас снова приводит к тому самому принципу, который послужил одной из главнейших причин, приведших к нынешней войне. Я не понимаю, какая опасность может скрываться в компромиссе; в подобных случаях лучшее, что можно сделать,—это достигнуть лучшего соглашения и лучшего компромисса. Сделанное мною предложение не нарушало никакого принципа—ни принципа Италии, ни принципа президента Вильсона. Я не знаю, какой способ является наилучшим для получения одобрения в итальянском парламенте, но я знаю британский парламент, в котором я участвую уже 30 лет, и со своей стороны хотел бы знать, где я нахожусь и ради чего я должен работать.

*Клемансо.*—Согласен.

*Ллойд Джордж.*—Я не мог бы, например, отправиться в парламент и просить свободу действий по вопросу о репарациях.

*Соннино.*—Именно это я и имею в виду.

*Вильсон.*—Однако г. Ллойд Джордж поступил не так с английским парламентом в вопросе о репарациях.

*Ллойд Джордж.*—Это не так. Я смог успокоить английский парламент, так как я точно знал, что я близок к разрешению вопроса. Иначе английский парламент не выразил бы мне своего доверия, полагая, что и я не питаю доверия к самому себе.



*Вильсон.*—Итальянские представители могли бы сказать в парламенте, что ни союзные державы, ни присоединившаяся к ним держава не могут согласиться на передачу Фиуме Италии. Англичане и французы как союзники чувствуют себя обязанными выполнить свое обещание. Что касается возможности соглашения, итальянские делегаты могли бы сказать, что я понимаю их затруднительное положение и готов принять любое соглашение, соответствующее моим принципам, хотя я никакого предложения не могу выдвинуть.

*Ллойд Джордж.*—Мне кажется, что положение президента Вильсона заключается в следующем: он не хочет делать предложений, но настаивает на четком зафиксировании того, что Фиуме не должен перейти к Италии.

*Вильсон.*—Должен напомнить моим коллегам, что итальянскому парламенту никогда не была известна позиция правительства Соединенных Штатов, как она была указана в моем меморандуме. Содержащиеся в меморандуме мои предложения имеют не только отрицательный, но и положительный характер. Предложения эти предусматривают необходимые меры для обеспечения безопасности восточных берегов Адриатики. В целях преодоления этих трудностей в предложениях указывалось на необходимость принятия соответствующих мер и предусматривалось ограничение вооружений, разрушение укреплений и другие мероприятия. Поэтому мои предложения были и положительного и отрицательного порядка. Мне бы хотелось, чтобы итальянский парламент узнал о том, что было мною сказано по этому поводу.

Бардзилаи зовет меня к телефону и сообщает: «Мы в большой тревоге по поводу происходящего. Выезжаем».

Докладываю об этом Орландо, который встает, заметив, что ему уже время отправляться к поезду.

Орландо и Вильсон прощаются: Вильсон—более холодно, Орландо—более сердечно.

Во время заседания выявилось расхождение, по крайней мере относительно метода, между Орландо и Соннино, которые предварительно не договорились между собой.

Ллойд Джордж временами выказывал некоторое замешательство в связи с тем, что выявлялись неточности в его сообщениях, сделанных им вне конференции. Временами, когда ему казалось затруднительным дать ответ или разъяснение, он выходил на несколько минут из комнаты (чтобы спросить Керра?). Но эти его «неточности» были, вероятно, вызваны стремлением принести пользу делу и являлись приемом искусного ведения переговоров.

По отъезде Орландо Хэнки передал мне документ, подписанный вчера Клемансо и Ллойд Джорджем. Документ этот озаглавлен «Фиуме и соглашение о мире». Он состоит из шести тщательно отредактированных страниц. Нам известно также, что он составлен Бальфуром.



В нем автор старается предотвратить возможность разрыва Италии со своими союзниками и просит итальянских делегатов пересмотреть свою политику в отношении соседей-славян, в особенности в части, касающейся Далмации и Фиуме\*.

Орландо, Сальваго, Бардзилаи и Диац выехали сегодня вечером в Рим. Провожает большая толпа итальянцев и французов. Орландо в качестве прощального приветствия произнес, выглядывая из окна вагона: «До скорого свидания».

Газета «Petit Parisien» опубликовала послание Орландо следующего содержания:

*«Покидая Францию, считаю необходимым обратиться к французской нации и ее премьер-министру Клемансо с выражением искреннейшей благодарности за братское гостеприимство, оказанное мне в Париже великодушной Францией—нашей вчерашней и завтрашней союзницей».*

Агентство Рейтер опубликовало ночью нижеследующее сообщение, полученное британской делегацией:

*«Перед отъездом в Рим гг. Орландо и Соннино имели беседу с президентом Вильсоном и гг. Ллойд Джорджем и Клемансо. В течение беседы все присутствующие проявили сильнейшее стремление к достижению разрешения обсуждавшейся проблемы».*

*Главы английского, американского и французского правительств выразили г. Орландо надежду, что итальянский парламент окажет им помощь в достижении названного решения».*

*Эта беседа происходила в доме г. Ллойд Джорджа».*

Пятница, 25 апреля.

Соннино не желает никого видеть, даже японского посла, который ввиду притязаний его страны на Шаньдун<sup>19</sup>, внимательно следил в течение этих дней за нашим положением и явился выразить свои симпатии; Соннино не желает видеть даже Баррера.

Во французской прессе появилось сообщение о том, что Соннино не покинет Парижа.

Суббота, 26 апреля.

Отъезд из Парижа в 14 часов.

Пишон прибыл на вокзал проститься с Соннино, уезжающим вместе с Саландрой.

Директивы Кэ д'Орсе французской печати—«Roses sur l'Italie; ménager l'Amérique» [«Осыпать розами Италию; не затрагивать Америку»].

Воскресенье, 27 апреля.

Соннино, хотя и против своего желания, говорил вчера ночью в Турине, сегодня—на станциях Кьявари, Пиза, Гроссето.

---

\* Документ этот был опубликован Р. С. Бэкером в книге «Woodrow Wilson and World Settlement», v. III, p. 231.



Большая демонстрация по прибытии в Рим (21 час).

Толпа на всем пути настолько велика, что проходит два часа, прежде чем нам—Соннино, Борсарелли и мне—удается добратся на автомобиле от вокзала до Консульта, где Соннино снова выступает.

Центральный пункт его речей «Неоспоримые права национальности; неотъемлемые права на обеспечение безопасности; будем едины и победим».

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> В этом послании Вильсон протестовал против присоединения Фиуме к Италии, мотивируя это тем, что обстановка со времени заключения Лондонского договора коренным образом изменилась ввиду исчезновения Австро-Венгрии как государства и возникновения на ее месте ряда самостоятельных равноправных государств. Передача Италии Фиуме означала бы, как указывалось в послании, лишение Чехо-Словакии, Югославии и Венгрии выхода к морю, подчинение их торговли и промышленности итальянскому контролю, что противоречило бы новому порядку содружества наций. В ответ на это послание итальянская делегация покинула конференцию и вернулась лишь через две недели.

<sup>2</sup> Речь идет о том, что Лондонский договор, заключенный без Югославии, не мог быть обязательным для нее.

<sup>3</sup> *Миланские события в апреле 1919 г.*—15 апреля в Милане во время митинга произошло вооруженное столкновение рабочих с полицией. В тот же день началась всеобщая стачка. В Милане имели место уличные бои. Движение распространилось на Турин, Геную, Болонью и Брешию. 18 апреля стачка была подавлена.

<sup>4</sup> *Киао-Чао (Цзяочжоу)*—бухта с портом Циндао в Шаньдуне (Северный Китай). Была захвачена в 1897 г. Германией. Германии удалось нейтрализовать противодействие царизма, согласившегося санкционировать захват Киао-Чао в обмен на захват Порт-Артура (в начале 1898 г.). Толкая царское правительство на захватническую политику на Дальнем Востоке, германское правительство стремилось отвлечь силы России от Европы, где Германия тем самым получала более широкие возможности в борьбе с Францией. Во время мировой войны 1914—1918 гг. Киао-Чао было захвачено Японией, но затем, по решению Вашингтонской конференции 1921—1922 гг., было возвращено Китаю.

<sup>5</sup> *Острова Керс и Луссин*—расположены в северо-восточной части Адриатического моря, между Истрией и Хорватией. По Сен-Жерменскому договору эти острова перешли от Австрии к Италии.

<sup>6</sup> *Мир в Кампо-Формио* между Францией и Австрией 17 октября 1797 г. В результате этого мира (после сражений при Лоди, Арколе и Риволи, в которых Наполеон разбил австрийцев) Австрия должна была отказаться от Бельгии, левого берега Рейна и Ломбардии.

<sup>7</sup> *1859 г.*—имеется в виду война между Францией и Италией с одной стороны и Австрией—с другой. Война началась в апреле 1859 г. В сражениях при Мадженте (4 июня) и Сольферино (24 июня) австрийцы были разбиты соединенной франко-итальянской армией. После этого Наполеон III, опасавшийся развития национально-освободительного движения в Италии, принявшего революционный характер, а также вмешательства Пруссии в пользу Австрии, начал сепаратные переговоры с Австрией вопреки настояниям



Виктора-Эммануила II, короля Сардинии и союзника Наполеона III. 11 июля произошло свидание Наполеона III с австрийским императором Франц-Иосифом в Виллафранке. В результате этого свидания был подписан договор о перемирии, а затем, в ноябре 1859 г., мирный договор в Цюрихе. По этому договору Ломбардия была уступлена Австрией Сардинии, но Венеция осталась в составе Австрийской империи. За помощь в войне с Австрией Виктор-Эммануил II вынужден был отдать Франции Савойю и Ниццу. Война 1859 г. и ее результаты вызвали разочарование итальянского народа, боровшегося за полное освобождение Италии от австрийского гнета.

<sup>8</sup> *События 1866 г.*—имеется в виду австро-прусская война и участие в ней Италии. Для Бисмарка было чрезвычайно важно, чтобы Италия отвлекла часть австрийских войск и, таким образом, способствовала победе Пруссии над Австрией. Итальянские войска, а равно и флот потерпели ряд поражений со стороны Австрии, однако австрийские войска в известной мере были оттянуты для борьбы с Италией и это позволило Пруссии разбить Австрию при Садове. В результате войны 1866 г. Австрия уступила Италии Венецианскую область.

<sup>9</sup> *Декларация Вильсона от 21 мая 1918 г.*—речь идет, очевидно, о послании Вильсона от 23 мая 1918 г., в котором он приветствует Италию в связи с трехлетием со дня ее вступления в войну.

<sup>10</sup> В начале первой мировой войны бывший германский рейхсканцлер князь Бюлов был послан в Рим, где от имени Германии и Австрии вел переговоры с итальянским правительством в целях удержания его от вступления на стороне держав Антанты. В случае если бы Италия согласилась сохранить нейтралитет, Бюлов предлагал ей следующие компенсации: населенную итальянцами часть Тироля, а также Градиску и западный берег Изонцо, где имеется чисто итальянское население. Триест должен был стать имперским свободным городом с итальянским университетом и итальянским муниципалитетом. Австрия соглашалась признать суверенитет Италии над Валлоной и готова была заявить о своей политической незаинтересованности в Албании.

Эта программа уступок, на которую австрийцы шли весьма неохотно, была значительно меньше того, что предлагали державы Антанты на случай присоединения Италии к ним.

<sup>11</sup> Ллойд Джордж имеет в виду вторжение Юлия Цезаря в Британию и высадку его на островах.

<sup>12</sup> Ллойд Джордж имеет в виду англо-бурскую войну 1899—1902 гг.

<sup>13</sup> *Под границами 1815 г.* имеются в виду границы, к которым была сведена Франция на Венском конгрессе в 1814—1815 гг. В отношении границ Франции этот конгресс подтвердил условия мирного договора, подписанного 30 мая 1814 г. в Париже между Францией и союзниками (Англия, Австрия, Пруссия и Россия). Франция должна была отказаться от всех территорий, завоеванных ею в эпоху Республики и Империи, и была возвращена к границам, существовавшим до 1792 г.

<sup>14</sup> *Боши*—презрительная кличка по адресу немцев, распространенная во Франции во время и после первой мировой войны.

<sup>15</sup> *«Лондонская декларация»* России, Великобритании, Италии и Франции о незаключении сепаратного мира была подписана в Лондоне 26 апреля 1915 г. В декларации сказано: «Французское, великобританское, итальянское и российское правительства взаимно обязуются не заключать



сепаратного мира в течение настоящей войны. Четыре правительства соглашались, что, когда наступит время обсудить основы мира, ни одна из союзных держав не сможет устанавливать мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников».

<sup>15</sup> *«Данцигский статут»*—имеется в виду отдел II Версальского договора, определяющий положение Данцига в качестве вольного города. Статья 102 Версальского договора гласила: «Главные союзные и присоединившиеся державы обязуются образовать из города Данцига, с указанной в статье 100 территории, Вольный город. Он будет поставлен под защиту Лиги наций».

<sup>17</sup> *«Саарский статут»*—имеется в виду статут Саарской области (бассейна), изложенный в отделе IV Версальского договора. Согласно этому статуту, Саарская область должна была управляться особой комиссией Лиги наций во главе с французом. Через 15 лет после ратификации договора в Сааре должен был быть произведен плебисцит с целью определения дальнейшего положения этой области. (Как известно, в 1935 г., в результате голосования, фальсифицированного германскими фашистами, Саарская область была передана Германии).

<sup>18</sup> 5 сентября 1914 г. уполномоченными России, Англии и Франции было подписано в Лондоне соглашение о незаключении сепаратного мира. Текст его гласил: «Российское, английское и французское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны. Три правительства соглашаются в том, что, когда настанет время для обсуждения условий мира, ни один из союзников не будет ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников».

<sup>19</sup> *Японские притязания на Шаньдун*. В январе 1915 г. Япония предъявила Китаю известные «21 требование», причем в Шаньдуне она домогалась передачи ей всех германских владений, прав и концессий, открытия ряда новых вольных портов и обязательства со стороны Китая не передавать никаких территорий третьей державе. Эти же требования она подерживала и после войны на Парижской мирной конференции.